

A classical-style portrait of a young woman with dark, curly hair, wearing a dark red hat with a red feather and a matching red dress with a white lace collar. She is looking slightly to the left with a gentle smile. The background is dark and textured.

ДАФНА
ДЮМОРЬЕ

*Трактир
«Ямайка»*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Дафна Дюморье

Трактир «Ямайка»

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21151118
Трактир «Ямайка»: Азбука; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-12057-0

Аннотация

«Трактир „Ямайка“» – один из самых известных романов английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989), ее первый бестселлер и первая из ее экранизированных книг. Сегодня роман считают классикой готической традиции в литературе XX века, а героиню Мэри Йеллан сравнивают с Джейн Эйр. Описанные в романе события происходят в начале XIX столетия, когда у парусного корабля, застигнутого штормом вблизи опасных рифов, была одна надежда на спасение – слабый свет маяка в тумане... В полном соответствии с законами жанра осиротевшая Мэри покидает родные края и едет к родне – бездетной тетушке и ее мужу, Джоссу Мерлину, грубому и нелюдимому хозяину придорожного трактира «Ямайка». Заведение пользуется дурной славой, добропорядочные люди обходят его стороной, а между тем оно живет какой-то своей, странной и страшной жизнью. Постепенно Мэри начинает о чем-то догадываться, в голове роятся ужасные подозрения, но кому

о них рассказать, кому довериться? Ошибка может стоить ей жизни.

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	56
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Дафна Дюморье Трактир «Ямайка»

Daphne du Maurier
JAMAICA INN

© Перевод, ООО «ЦЕНТРПОЛИГРАФ», 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

От автора

Трактир «Ямайка» существует по сей день. Это уютное, гостеприимное заведение, в котором не продают спиртные напитки, стоит на двадцатимильной¹ дороге между Бодмином и Лонстоном. В своей истории я изобразила трактир таким, каким он мог быть лет сто пятьдесят назад, и, хотя на этих страницах встречаются реальные географические названия, все описанные здесь персонажи и события являются вымышленными.

Дафна Дюморье

Бодинник-бай-Фоуи

---

¹ 1 английская миля равна 1609 м. – Здесь и далее примеч. перев.

Глава 1

Стоял конец ноября, день выдался холодный и ненастный. В одну ночь погода переменилась: ветер задул вспять и принес с собой гранитно-серые тучи и морозящий дождик. Было чуть больше двух часов пополудни, но бледный зимний вечер уже надвинулся на холмы и окутал их туманом. К четырем станет совсем темно. Сырой холодный воздух пробирался внутрь дилижанса, несмотря на плотно закрытые окна. Кожаные сиденья казались влажными на ощупь, а в крыше, наверное, была трещинка, потому что сверху то и дело брызгали мелкие капли дождя, оставляя на обивке темно-синие пятна, похожие на чернильные кляксы. На поворотах дороги карета вздрагивала от порывов ветра, а на открытых холмистых участках ветер дул с такой силой, что дилижанс сотрясался и раскачивался на высоких колесах, словно потерявший опору горький пьяница.

Кучер, натянувший воротник пальто по самые уши, согнулся на козлах чуть ли не пополам, безуспешно пытаясь прикрыться от ветра собственным плечом, а лошади, повинаясь его понуканиям, уныло шлепали по грязи; исхлестанные ветром и дождем, они уже не чувствовали кнута, который то и дело щелкал у них над головой, зажатый в онемевшей от холода руке хозяина.

Колеса скрипели и стонали, увязая в раскисшей колее.

Жидкая грязь из-под колес долетала даже до окон дилижанса и вместе с упорно хлещущим дождем так заляпала стекло, что не было никакой возможности разглядеть окружающий пейзаж.

Пассажиры сбились в кучу, чтобы согреться, и дружно вскрикивали всякий раз, когда карета проваливалась в особенно глубокий ухаб. Один старичок, который не переставал возмущаться с тех пор, как сел в дилижанс в Труро, вдруг совсем вышел из себя: вскочил на ноги, нашарил оконную задвижку и с треском опустил стекло, так что целый водопад дождевой воды мгновенно окатил и его самого, и всех остальных пассажиров. Старичок высунул голову в окошко и принялся пронзительным голосом ругать кучера, обзывая его жуликом и убийцей и крича, что они не доедут живыми до Бодмина, если и дальше гнать сломя голову; и так уже из них весь дух вышибло, и он лично ни за что больше не сядет в почтовую карету.

Неизвестно, слышал его кучер или нет. Скорее всего, весь этот поток попреков унесло ветром. Старикашка подождал минуту, закрыл окно, успев как следует выстудить всю внутренность кареты, и снова устроился в уголке, закутавшись в одеяло и что-то сердито бормоча себе под нос.

Рядом с ним сидела веселая краснощекая тетка в синем плаще. Сочувственно вздохнув, она подмигнула всем, кто на нее смотрел, мотнула головой в сторону старика и заявила уже, наверное, в двадцатый раз, что такой грязюки и не

вспомнит, а уж она всякой погоды повидала на своем веку; да, денек выдался что надо, не летняя вам погодка, ничего не скажешь, – после чего порылась в большущей корзине, вытащила основательный кусок пирога и впилась в него крепкими белыми зубами.

Мэри Йеллан сидела в углу напротив, как раз там, где с крыши текла струйка воды. Иногда ледяная капля попадала к ней на плечо, и Мэри нетерпеливо смахивала ее рукой.

Она сидела, подперев подбородок ладонью, и не сводила глаз с окна, заляпанного дождем и грязью, слабо надеясь, что солнечный луч разорвет хоть на минуту тяжелые тучи и снова выглянет ясное голубое небо, сиявшее вчера над Хелфордом, – выглянет, как счастливая примета.

Всего на каких-нибудь сорок миль успела она отъехать от родного дома, где прожила свои двадцать три года, и вот уже надежда увяла в ее душе, и мужество, которое поддерживало ее во все время долгой и мучительной болезни и смерти матери, – теперь готово было изменить ей при первой же атаке дождя и надоедливого ветра.

Ее угнетало уже то, что все вокруг было чужое. Через запотевшее стекло Мэри с трудом различала местность, совсем не похожую на ту, знакомую, от которой ее отделял всего один день пути. Как все это теперь далеко от нее, и может быть, навсегда: сверкающая на солнце река, пологие холмы, зеленые долины, белые домики на берегу... Даже дождь здесь иной... В Хелфорде дождь падал так легко, так мягко,

тихо шуршал среди листвы, терялся в густой траве, веселыми ручейками сбегал в широкую реку и впитывался в благодарную землю, которая щедро одаривала прекрасными цветами.

А здесь дождь хлестал, не зная жалости, и вода бесполезно уходила в жесткую, бесплодную почву. Здесь не было деревьев, разве что одно или два протягивали голые сучья навстречу всем ветрам, согнутые и скрюченные столетиями бурь, почерневшие от времени и долгих штормов. Если бы даже коснулось их дыхание весны, ни одна почка не посмела бы распуститься, опасаясь, что запоздалые заморозки убьют ее. Безрадостная земля: ни лугов, ни лесов... Только камни, черный вереск да чахлый ракитник.

Здесь не может быть хорошо ни в какое время года, думала Мэри. Или суровая зима, вот как сегодня, или иссушающий жар лета, от которого негде спрятаться, и трава еще до конца мая становится желто-бурой. Вся эта местность посерела от вечной непогоды. Даже люди на дороге и в поселках изменились под стать окружающей обстановке. В Хелстоне, где Мэри села в дилижанс, местность была еще знакомой. С Хелстоном связано множество детских воспоминаний. Когда-то отец каждую неделю брал ее с собой на базар, а когда его не стало, мать мужественно заняла его место и, как он, зимой и летом возила в тележке на базар яйца, кур и сливочное масло, а Мэри сидела рядом с ней и держала на коленях корзинку размером чуть ли не с себя, положив подбородок

на ручку корзины. В Хелстоне все были с ними приветливы; фамилию Йеллан уважали. Все знали, что вдове пришлось нелегко после смерти мужа. Не всякая смогла бы жить вот так, одна с ребенком, тянуть на себе ферму, даже не думая найти другого мужчину. Был один фермер в Манаккане, который попросил бы ее руки, если бы только осмелился, и еще другой, вверх по реке, в Гвике, да только они по глазам видели, что она за них не пойдет. Она душой и телом принадлежала тому, ушедшему. В конце концов тяжелый труд на ферме взял свое, ведь она не щадила себя. Семнадцать лет вдовства она находила в себе силы тащить свой воз, но, когда пришло последнее испытание, она не выдержала такой нагрузки и сердце ее остановилось.

Дела их разладились, доходы на ферме падали, запасы таяли. В Хелстоне говорили, что настали плохие времена, цены снизились, ни у кого нет денег. И в верховьях реки – все то же самое. Того и гляди настанет голод. Потом напал какой-то мор на живность по всем деревням в окрестностях Хелфорда. Никто не знал, как зовется эта напасть, и от нее не было лекарств. Она пришла в новолуние, уничтожила все на своем пути, подобно поздним морозам, и ушла, оставляя за собой след из мертвых животных. Тяжелое это было время для Мэри Йеллан и ее матери. Куры и утки издыхали одна за другой у них на глазах, и теленок пал прямо на пастбище. Особенно жаль было старую кобылу, которая двадцать лет служила им верой и правдой; на ее широкой крепкой спине

маленькая Мэри впервые в жизни прокатилась верхом. Кобыла умерла однажды утром, в стойле, положив свою верную голову на колени Мэри. Для нее вырыли яму под яблоней в саду, и, когда они ее похоронили и поняли, что она никогда уже не повезет их больше в Хелстон в базарный день, мать обернулась к Мэри и сказала:

– Какая-то часть меня тоже легла в могилу вместе с бедной Нелл. Не знаю, может, веры у меня не осталось или еще что, только на сердце такая тяжесть. Устала я, Мэри, не могу больше.

Она вошла в дом и села в кухне за стол, бледная как полотно, постаревшая лет на десять. Когда Мэри сказала, что нужно позвать доктора, мать нетерпеливо передернула плечами.

– Поздно, дочка, – ответила она, – опоздали на семнадцать лет.

И тихо заплакала – это она-то, которая никогда раньше не плакала!

Мэри побежала к старенькому доктору, который жил в Могане и когда-то помог ей появиться на свет. Он поехал вместе с ней в своей двуколке и по дороге говорил, качая головой:

– Вот что я тебе скажу, Мэри. С тех пор как умер твой отец, твоя мать не жалела ни тела своего, ни души, и вот теперь она сломалась. Не нравится мне это. Совсем не вовремя.

Они подъехали по извилистой дороге к ферме, что стояла на краю деревни. У калитки их встретила соседка, которой не терпелось сообщить плохие новости:

– Матушке твоей стало хуже! Вот только что, сию минуточку, вышла она из дверей, взгляд застывший, как у привидения, вся задрожала и упала прямо на дорожку. Миссис Хоблин к ней подошла, и Уилл Серл. Они ее отнесли в дом, бедняжечку. Говорят, глаза у ней закрыты.

Доктор решительно разогнал собравшихся у двери зевак. Вдвоем доктор и Серл подняли с пола неподвижное тело и перенесли на второй этаж, в спальню.

– У нее был удар, – сказал доктор, – но она дышит, и пульс ровный. Этого я и боялся – что ее вот так разом подкосит. Почему так случилось именно сейчас, после стольких лет, знают один только Господь Бог да она сама. Теперь, Мэри, ты должна доказать, что ты – дочь своих родителей, и помочь ей выкарабкаться. Кроме тебя, никто этого не сможет.

Шесть долгих месяцев или даже дольше Мэри ухаживала за матерью во время ее первой и последней болезни, но, несмотря на все их с доктором старания, вдова не хотела бороться. У нее совсем не осталось воли к жизни.

Казалось, она мечтала об избавлении и про себя молилась, чтобы оно пришло поскорее. Она сказала Мэри:

– Я не хочу, чтобы ты надрывалась так, как я. Такая жизнь калечит и тело, и душу. Когда меня не станет, тебе незачем оставаться в Хелфорде. Поезжай лучше в Бодмин, к тете

Пейшенс².

Напрасно Мэри твердила матери, что она не умрет. Мысль о смерти прочно засела у больной в мозгу, и бороться с этим было невозможно.

– Мне не хочется никуда уезжать, мама, – говорила Мэри. – Я здесь родилась, и отец здесь родился, и ты тоже хелфордская. Здесь наши, йелланские края. Я не боюсь бедности и за ферму тоже не боюсь. Ты справлялась с ней одна семнадцать лет, так почему я не справлюсь? Я сильная, могу работать не хуже мужчины, ты же знаешь.

– Это не жизнь для девушки, – отвечала мать. – Я трудилась все эти годы в память о твоём отце и ради тебя. Когда женщина работает для кого-то, она может быть и спокойной, и довольной, а когда стараешься только для себя – это совсем другое дело. Тогда работаешь без души.

– А что мне делать в городе? – возражала Мэри. – Я могу жить только здесь, у реки. Никакой другой жизни я не знаю, да и не хочу знать. Для меня и Хелстон – слишком большой город. Лучше всего мне здесь, с нашими курочками, сколько бы их ни осталось, с зеленью в огороде, со старой свиньей и с лодочкой на реке. Что я буду делать в Бодмине, у тети Пейшенс?

– Девушка не должна жить одна, Мэри, не то она повредится умом или пойдёт по дурной дорожке. Или одно, или другое, тут уж никуда не денешься. Или ты забыла бедняжку

---

² Patience (англ.) – терпение.

Сью, как она бродила по кладбищу в лунные ночи и все звала возлюбленного, которого у нее никогда не было? И еще была у нас одна девушка, еще до твоего рождения, осталась сиротой в шестнадцать лет. Так она сбежала в Фалмут и стала гулять там с матросами. Не будет мне покоя в могиле, и отцу твоему тоже, если мы бросим тебя без присмотра. Тетя Пейшенс тебе понравится. Она всегда обожала всякие игры да веселье, и сердце у нее такое большое, как целый мир. Помнишь, она приезжала к нам двенадцать лет назад? У нее были ленты на шляпке и шелковая юбка. Один работник из Трелоуоррена все на нее поглядывал, да только она решила, что он ей не пара.

Да, Мэри хорошо помнила тетю Пейшенс, с кудрявой челкой и большими голубыми глазами, и как она смеялась, и болтала, и высоко подбирала юбки, переступая через лужи во дворе. Она была хорошенькая, точно фея.

– Что за человек дядя Джосс, этого я тебе сказать не могу, – продолжала мать. – Я его ни разу в жизни не видела, и общих знакомых у нас не было. А твоя тетушка, когда выходила за него замуж, десять лет тому исполнилось на прошлый Михайлов день³, написала мне кучу всякой чепухи, словно девчонка какая-нибудь, а не взрослая женщина, которой уж за тридцать.

– Я им покажусь невоспитанной, – медленно проговорила Мэри. – У меня нет таких изящных манер, к каким они при-

---

³ Михайлов день – 29 сентября.

выкли. Нам просто не о чем будет говорить.

– Они тебя полюбят ради тебя самой, а не ради каких-то дурацких ужимок. Обещай мне, дочка: когда меня не станет, ты напишешь тете Пейшенс, что мое последнее, самое заветное желание было, чтобы ты поехала к ней.

– Обещаю, – сказала Мэри, но на душе у нее становилось тяжело от одной мысли о таком неясном, ненадежном будущем, о том, что придется расстаться со всем, что она знает и любит, и даже родных стен не будет рядом, которые могли бы помочь ей пережить предстоящие трудные дни.

Мать слабела день ото дня; жизнь мало-помалу покидала ее. Она все-таки дождалась, пока сжали рожь, собрали фрукты и с деревьев начали облетать листья. Но когда пришли утренние туманы и заморозки, когда река вздулась и воды ее, словно потоп, устремились в штормовое море, а волны с грохотом стали обрушиваться на хелфордские пляжи, вдова беспокойно заметалась по постели, хватаясь за простыни. Она называла Мэри именем умершего мужа, говорила о давно прошедших днях и о людях, которых Мэри никогда не знала. Три дня она жила словно в каком-то своем, отдельном от всех мире, а на четвертый день умерла.

На глазах у Мэри вещи, которые она знала и любила, одна за другой переходили в чужие руки. Птицу отправили на рынок в Хелстон. Мебель раскупили соседи – всю, до последней деревяшки. Одному человеку из Коверака приглянулся дом, и он купил его; с трубкой в зубах он стоял посреди двора,

широко расставив ноги, и показывал, что и как переделает, какие деревья срубит, чтобы расчистить себе вид, а Мэри с омерзением смотрела на него из окна своей комнаты, где она упаковывала немногочисленные пожитки в отцовский сундук.

Из-за этого незнакомца из Коверака Мэри словно стала непрошеной гостьей в собственном доме; по его глазам было видно, что он ждет не дождется, когда же она уедет. Мэри и сама теперь только и думала поскорее покончить со всем этим раз и навсегда. Она снова перечитала письмо тети, написанное неровным почерком на самой простой бумаге. Тетя писала, что потрясена тем, какая беда свалилась на племянницу, что даже не подозревала, как больна ее сестра, ведь сама она много лет не бывала в Хелфорде. А дальше в письме говорилось: «Ты не знаешь, у нас тоже большие перемены. Я теперь живу не в Бодмине, а почти в двенадцати милях за городом, в сторону Лонстона. Это дикое, пустынное место, и, если ты приедешь к нам, я буду очень тебе рада, особенно зимой. Я спросила твоего дядю, он говорит, что не возражает, если ты не болтунья, и не станешь дерзить, и будешь помогать по дому, если понадобится. Ты, конечно, понимаешь, что он не может давать тебе деньги или кормить тебя даром. За стол и жилье ты должна будешь помогать в баре. Твой дядя, видишь ли, держит гостиницу – трактир „Ямайка“».

Мэри сложила письмо и спрятала в сундук. Странно было получить подобное послание от той веселой тети Пейшенс,

какой она ее помнила.

Холодное, пустое письмо, без единого слова утешения, из него можно было ясно понять только одно: племянница не должна просить у тети денег. Тетя Пейшенс, с ее шелковыми юбками и изящным обращением, – жена трактирщика! Наверное, мать Мэри ничего об этом не знала. Тетино письмо было совсем не похоже на то, что прислала счастливая невеста десять лет назад.

Но Мэри уже дала слово, отступить нельзя. Дом продан. Здесь ей уже нет места. Как бы ни приняла ее тетя, все-таки она – сестра ее матери, не следует об этом забывать. Старая жизнь осталась позади – милая, родная ферма и сверкающие волны Хелфорда. Впереди лежит будущее и трактир «Ямайка».

Так и получилось, что Мэри Йеллан выехала из Хелсто-на на север в скрипучей тряской колыхаге. Вот проехали городок Труро близ устья реки Фал, с его черепичными крышами и острыми шпилями, с широкими мощеными улицами. Здесь синее небо над головой еще напоминало о юге, люди, стоящие у дверей домов, улыбались и махали вслед дилижансу. Но после Труро небо начало хмуриться. По обеим сторонам дороги потянулась необработанная земля. Деревни теперь попадались редко, из коттеджей не выглядывали улыбающиеся лица. Деревьев стало мало, живых изгородей не было вовсе. Потом поднялся ветер и принес с собой

дождь. И наконец карета с грохотом вкатила в Бодмин, серый и неприветливый, как обступившие его горы. Пассажиры один за другим собирали вещи, готовясь сойти, только Мэри тихо сидела в углу.

Кучер, у которого по лицу стекали струйки дождя, заглянул в окно кареты:

– Вы едете дальше, в Лонстон? Сегодня тяжело будет ехать по вересковым пустошам. Знаете, вы ведь можете переночевать в Бодмине, а завтра поедете дальше. В карете-то никого, кроме вас, не остается.

– Мои друзья будут меня ждать, – сказала Мэри. – Я не боюсь дороги. И мне не нужно ехать до самого Лонстона. Высадите меня, пожалуйста, у трактира «Ямайка».

Кучер с любопытством уставился на нее.

– Трактир «Ямайка»? – переспросил он. – Вам-то он зачем понадобился? Там неподходящее место для барышни. Вы, часом, не ошиблись?

Он явно ей не поверил.

– О, я слышала, что он стоит на отшибе, – отозвалась Мэри, – но мне все равно, я не люблю город. У нас, на Хелфорд-Ривер, тоже очень тихо и зимой и летом, но я там никогда не скучала.

– А я и не говорил, что в трактире «Ямайка» скучно, – возразил кучер. – Вы, верно, не понимаете, вы ведь не здешняя. Правда, многих женщин испугало бы, что до него двадцать с чем-то миль, ну да я не об этом. Погодите-ка минутку.

Он обернулся и через плечо окликнул женщину, которая, стоя на пороге гостиницы «Ройял», зажигала фонарь у двери, так как уже стемнело.

– Миссус, – позвал кучер, – идите сюда, помогите уговорить барышню. Мне сказали, что ей надо в Лонстон, а она вот просит высадить ее у «Ямайки».

Женщина спустилась с крыльца и заглянула в карету.

– Места там дикие, суровые, – сказала она. – Если вы ищите работу на ферме, там вы ничего не найдете. На вересковых пустошах не любят чужаков. Лучше поищите здесь, в Бодмине.

Мэри улыбнулась в ответ:

– Со мной ничего не случится. Я еду к родным. Мой дядя – хозяин трактира «Ямайка».

Последовала долгая пауза. В полумраке кареты Мэри видела, что женщина и кучер разглядывают ее во все глаза. Ей вдруг стало зябко и как-то тревожно. Она ждала от женщины приветливых, ободряющих слов, но та молчала и вдруг попятилась от окна.

– Извините, – медленно проговорила она. – Это, конечно, не мое дело. Доброй ночи.

Кучер принялся насвистывать, сильно покраснев, как будто не знал, как выпутаться из неловкой ситуации. Мэри неожиданно потянулась к нему и тронула за рукав.

– Скажите мне, пожалуйста, – попросила она. – Я не обижусь. Что, дядю здесь не любят? С ним что-нибудь не так?

Кучер смутился еще больше. Он неохотно буркнул, отводя глаза:

– Нехорошее это место, «Ямайка». Про нее болтают разные разности; знаете, как оно бывает. Но я лично ничего не говорю. Может, все это и неправда.

– Что про нее болтают? – спросила Мэри. – Вы хотите сказать, там много пьют? Может быть, мой дядя привечает дурное общество?

Но кучер не хотел брать на себя ответственность.

– Я ничего не говорю, – повторил он упрямо. – И ничего я не знаю. Просто болтают то да се. Уважаемые люди туда ходить перестали, а больше мне ничего не известно. Раньше мы там и лошадей поили-кормили, и сами заглядывали выпить да закусить. А теперь как едешь мимо, так и нахлестываешь лошадей, пока не доберешься до Пяти дорог, да и там стараешься особо не задерживаться.

– Почему люди туда не ходят? Из-за чего? – не отступалась Мэри.

Кучер мялся, как будто не находил подходящих слов.

– Боятся, – выговорил он наконец и больше не произнес ни слова, только качал головой. Может быть, он почувствовал, что был уж очень резок, и ему стало жаль Мэри. Через минуту он снова заглянул в окно и заговорил с ней: – Не хотите чашечку чаю перед отъездом? Дорога-то неблизкая, а на пустошах холодно.

Мэри покачала головой. У нее пропал аппетит. Правда,

чай согрел бы ее, но не хотелось вылезать из кареты и идти в гостиницу «Ройял», где та женщина станет на нее тарашиться и люди будут шептаться у нее за спиной. К тому же в глубине ее души маленькое трусливое существо нашептывало: «Останься в Бодмине, останься в Бодмине», и, оказавшись в уютной гостинице, Мэри могла уступить этому голоску. Но она дала слово матери, что поедет к тете Пейшенс, а слово надо держать.

– Ну, тогда отправляемся, – сказал кучер. – Вы нынче вечером единственная пассажирка. Вот вам еще плед, закутайте ноги. Как перевалим через холм, я малость подхлестну лошадок, а то погода сегодня не для дороги. Я только тогда вздохну спокойно, когда заберусь в кровать у себя дома, в Лондоне. У нас никто не любит ездить через пустошь зимой, да еще в такую слякотищу.

Он захлопнул дверцу и вскарабкался на козлы.

Карета загрохотала по городским улицам, мимо прочных, надежных домов с деловито освещенными окнами, мимо редких прохожих, спешащих домой к ужину, пригибаясь под ударами ветра и дождя. В щели ставен просачивался приветливый свет свечей; наверное, там, за окнами, весело горит огонь в каминах, расстилают скатерти, женщины и дети садятся за стол, пока мужчины греют замерзшие руки у очага. Мэри вспомнила улыбчивую крестьянку, которая тоже ехала в дилижансе. Интересно, она уже дома? Сидит за столом, а рядом теснятся ее дети? Какая она была уютная, со свои-

ми щеками-яблочками и с огрубевшими, натруженными руками! От ее глубокого голоса так и веяло надежностью. Мэри сочинила про себя целую историю, как будто она вышла вместе с той женщиной из кареты и попросила у нее пристанища. Она была уверена, что та бы ей не отказала. У нее нашлись бы для Мэри ласковая улыбка, дружеская рука и постель на ночь. Мэри стала бы служить этой женщине, любила бы ее, познакомилась бы с ее семьей, поделила бы с ней ее жизнь.

А вместо этого лошади с трудом карабкаются в гору. Выглянув в заднее окошко, Мэри увидела, как удаляются один за другим огоньки Бодмина, и вот уже последняя искорка замигала и погасла. Остались только ветер, и дождь, и двенадцать долгих миль бесплодных пустошей между Мэри и местом ее пристанища.

Мэри подумалось, что нечто похожее, должно быть, мог бы ощущать корабль, оставляя позади безопасную гавань. Но наверное, ни один корабль не чувствует себя таким одиноким, даже когда ветер завывает в снастях и морские волны перехлестывают через борт.

В дилижансе стало совсем темно. Факел горел дымно и тускло, а от сквозняка, дувшего из щели в крыше, желтоватое пламя металось в разные стороны, грозя поджечь кожаную обивку, и Мэри на всякий случай загасила его. Она сидела, забившись в угол, раскачиваясь в такт движению кареты, и думала о том, что никогда в жизни не представляла се-

бе, каким зловещим может быть одиночество. Та самая карета, что весь день убаюкивала ее, словно в колыбели, теперь скрипела злобно и угрожающе. Ветер рвал крышу, и дождь с новой силой принялся хлестать в окна, потому что они уже выехали из-под прикрытия холмов на равнину. По обеим сторонам дороги расстилалась плоская степь без конца и без края. Ни деревца, ни кустика, ни хоть какой-нибудь деревушки; только бесконечные мили унылых темных пустошей тянутся, словно барханы в пустыне, к невидимому горизонту. Человек, который живет в этой безрадостной местности, думала Мэри, просто не может остаться таким, как другие люди. Даже дети, наверное, здесь рождаются корявые, точно черные кусты раkitника, согнутые силой неутихающего ветра, который дует сразу со всех сторон, с востока и запада, севера и юга! И души у них, должно быть, такие же искореженные, и, видимо, черные мыс ли рождаются здесь, среди болот и гранита, среди жесткого вереска и растрескавшихся каменных глыб. Здесь обитают потомки какого-нибудь странного племени, чьи предки спали на голой земле вместо перины, под этим черным небом. В них и сейчас, наверное, есть что-то от дьявола...

Дорога вела все дальше, через темные молчаливые земли, и ни один огонек не мигнул даже на мгновение, чтобы послать лучик надежды одинокой путешественнице. Должно быть, на двадцать одну милю пути между Бодмином и Лонстоном не было ни одного поселения, не было даже пасту-

шьей хижины, и только трактир «Ямайка» угрюмо затаился у безлюдной дороги.

Мэри потеряла счет времени и расстоянию. Она готова была поверить, что полночь давно миновала и они проехали не меньше сотни миль. Ей уже не хотелось покидать безопасность кареты. По крайней мере, карета была ей знакома; Мэри ехала в ней с самого утра, а это – немалый срок. Нескончаемая поездка тянулась, как кошмар, но здесь ее хотя бы защищали четыре стены и дряхлая, протекающая крыша, и к тому же поблизости, на расстоянии окрика, находился кучер. Наконец Мэри показалось, что кучер еще сильнее погнал лошадей; слышно было, как он понукает их и его голос относит ветром.

Мэри подняла окно и выглянула. В лицо ей ударил порыв ветра с дождем, так что в первую минуту Мэри ничего не могла разглядеть. Отбросив мокрые волосы с лица, она увидела, что дилижанс бешеным галопом преодолевает склон крутого холма, а по сторонам дороги чернеет за пеленой дождя глухая степь.

Впереди и немного слева, на самом гребне холма, в стороне от дороги виднелась какая-то постройка. Во мраке смутно темнели высокие дымовые трубы. Вокруг больше ни одного дома. Если это и была «Ямайка», то она стояла в гордом одиночестве, открытая всем ветрам. Мэри плотнее закуталась в плащ и застегнула пряжку.

Через минуту лошади стали, все в пене, под проливным

дождем. От них валил пар. Кучер слез с козел, спустил на землю сундук Мэри. Он явно торопился и все оглядывался через плечо.

– Вот вы и приехали, – сказал он. – Теперь только пройти через двор, и вы на месте. Стучите погромче в дверь! А мне надо торопиться, не то не успею сегодня в Лонстон.

В один миг он снова взобрался на козлы, подобрал вожжи и принялся со всей силы стегать лошадей. Карета закачалась, загремела по дороге и тотчас скрылась из виду, затерялась в темноте, как будто ее и не бывало.

Мэри осталась одна. Сундук стоял на земле у ее ног. Она услышала за спиной грохот засовов. В темном доме отворилась дверь. Какая-то огромная фигура вышла во двор, размахивая фонарем.

– Кто там? – заорал незнакомец. – Что вам тут надо?

Мэри шагнула вперед, всматриваясь в лицо неизвестного.

Свет бил ей прямо в глаза, и она ничего не могла рассмотреть. Незнакомец качнул фонарь из стороны в сторону и вдруг громко засмеялся, схватил Мэри за руку и грубо втащил ее на крыльцо.

– Ага, так это, значит, ты? – воскликнул он. – Явилась все-таки? Я твой дядя, Джосс Мерлин. Добро пожаловать в трактир «Ямайка»!

Он снова захохотал, втянул Мэри в дом, захлопнул дверь и поставил фонарь на столик в прихожей. Они посмотрели в лицо друг другу.

Глава 2

Он был громадного роста, наверное больше двух метров, с угрюмым лицом, смуглым, как у цыгана. Густые темные волосы падали ему на лоб и закрывали уши. Он выглядел сильным, как лошадь. Могучие плечи, длинные руки достают почти до колен, и кулаки размером с хороший окорок. Рядом с мощным телом голова казалась карликовой и уходила в плечи; от этого появлялось ощущение, что человек сутулится, и весь он, со своими черными бровями и всклокоченными космами, был похож на гигантскую гориллу. Впрочем, в лице не было ничего обезьяньего; крючковатый нос почти доставал до рта, который когда-то, пожалуй, был великолепен, но сейчас совсем ввалился. Большие темные глаза все еще бы ли по-своему красивы, несмотря на морщины, красные прожилки и опухшие веки.

Лучше всего у него были зубы, все еще здоровые и очень белые. Когда он улыбался, зубы сверкали на загорелом лице, придавая ему сходство с мордой поджарого голодного волка. И хотя обычно человеческая улыбка не имеет ничего общего с волчьим оскалом, у Джосса Мерлина это было одно и то же.

– Ты, выходит, и есть Мэри Йеллан, – проговорил он наконец, нагнув голову, чтобы получше рассмотреть ее. – Приехала в такую даль, чтобы заботиться о дядюшке Джоссе. Надо же, какое великодушие!

Он снова расхохотался на весь дом. Издевательский смех бичом хлестнул Мэри по нервам, и без того натянутым до предела.

– А где тетя Пейшенс? – спросила она, оглядываясь. Слабо освещенный коридор выглядел безрадостно: холодные каменные плиты пола и узенькая шаткая лесенка. – Разве она меня не ждет?

– Где же тетя Пейшенс? – передразнил хозяин дома. – Где моя дорогая тетушка, которая обнимет меня, и расцелует, и станет со мной цацкаться да нянькаться? А что, ты без нее и минуты прожить не можешь? Разве для дядюшки Джосса у тебя не найдется поцелуйчика?

Мэри попятилась. Противно было даже подумать о том, чтобы поцеловать его. Он, наверное, пьяный или не в своем уме. Скорее всего, и то и другое. Но Мэри не хотела его сердить: она слишком его боялась.

Он заметил, что с ней происходит, и снова захохотал:

– Нет-нет, я не собираюсь тебя трогать! Со мной ты в безопасности, как в церкви. Я, милая моя, никогда особенно не любил брюнеток, и вообще у меня есть дела поинтереснее, чем шашни строить с собственной племянницей!

Он ухмыльнулся, глядя на нее с презрением, как на дурочку. Разговор ему поднадоел. Он обернулся к лестнице и заревел, запрокинув голову:

– Пейшенс! Какого дьявола ты там застряла? Твоя девчонка приехала и ноет. Ее, вишь, от меня уже воротит.

На лестничной площадке зашуршали юбки, послышались медленные шаги. Замерцала свеча, кто-то ахнул. По узкой лестнице спускалась женщина, прикрывая глаза рукой от света. Из-под мятого чепчика у нее выбивались жидкие седые пряди, свисающие до плеч. Она завила кончики волос, пытаясь изобразить прежние кудри. Напрасные старания! Ее лицо исхудало, кожа натянулась на скулах. Большие глаза смотрели неподвижно, в них словно стоял вечный вопрос, а губы то сжимались, то разжимались в нервном тике. На ней была вылинявшая полосатая юбка, некогда вишневая, а теперь – блекло-розовая, на плечи наброшена много разчиненная шаль. Видимо, она только что прицепила на цепец новую ленту в жалкой попытке как-то украсить свой наряд. Ярко-алая лента только подчеркивала бледность лица жутким контрастом. Мэри растерянно смотрела на женщину, онемев от горя. Неужели это несчастное, оборванное существо – та прелестная тетя Пейшенс, неужели это она одета словно замарашка и выглядит лет на двадцать старше себя самой?

Худенькая женщина спустилась в прихожую, взяла Мэри за руку, заглянула в лицо.

– Ты в самом деле приехала? – прошептала она. – Ты моя племянница Мэри, да? Дочка моей умершей сестры?

Мэри кивнула и про себя поблагодарила Бога за то, что мать не видит их сейчас.

– Милая тетя Пейшенс, – сказала Мэри ласково, – я очень

рада снова вас увидеть. Столько лет прошло с тех пор, как вы приезжали к нам, в Хелфорд...

Тетя все ощупывала Мэри, проводила рукой по ее платью и вдруг припала к ее плечу и громко заплакала, со страхом глотая слезы и судорожно переводя дыхание.

– А ну, прекрати, – заворчал ее муж. – Кто же так встречает гостей? О чем ты хнычешь, дура чертова? Не видишь, что ли, девчонка есть хочет. Отведи ее на кухню, дай ей бекона и выпить чего-нибудь.

Он подхватил с пола сундук Мэри и взвалил его на плечо легко, словно бумажный сверток.

– Отнесу это к ней в комнату, – заявил он, – и если, когда я спущусь, ужин не будет на столе, я тебе обещаю причину, чтобы поплакать; и тебе тоже, если желаешь, – прибавил он, наклонившись к Мэри и приложив громадный палец к ее губам. – Ну что, ты ручная или кусаешься?

Он опять загромыхал хохотом на весь дом и затопал по лесенке, неся на плечах сундук.

Тетя Пейшенс невероятным усилием справилась с собой, пригладила волосы прежним жестом, который Мэри помнила с детства, а потом, нервно мигая и дергая ртом, повела ее другим темным коридором на кухню, где горели три свечи, а в очаге дымился торф.

– Ты не должна обижаться на дядю Джосса, – сказала тетя. Она вдруг стала похожа на виляющую хвостом собаку, которую постоянной жестокостью приучили беспрекословно

слушаться хозяина и которая, несмотря на пинки и побои, готова драться за него, как тигр. – С ним, знаешь ли, не надо спорить. У него есть свои причуды, чужие его поначалу не понимают. Он всегда был мне хорошим мужем, с самого дня нашей свадьбы.

Двигаясь по кухне как автомат, она накрыла стол к ужину, принесла из чулана хлеб, сыр и топленое масло, а Мэри тем временем скрючилась у огня, безнадежно стараясь согреть заледеневшие пальцы.

Кухня была полна густого торфяного дыма. Он заползал во все уголки, синеватым облаком висел под потолком. От дыма у Мэри щипало глаза, щекотало в носу; она чувствовала вкус дыма на языке.

– Скоро ты полюбишь дядю Джосса и приноровишься к его привычкам, – продолжала тетка. – Он очень красивый мужчина и очень храбрый. Его здесь все знают, уважают. Джоссу Мерлину никто и слова поперек не скажет. У нас ведь не всегда так тихо, как сегодня. Иногда собирается большое общество. Здесь, знаешь, очень оживленное движение, почтовая карета проезжает каждый день. И здешние помещики такие любезные, да, очень любезные. Вот только вчера заходил один сосед, я для него испекла пирог, он его взял с собой. «Миссис Мерлин, – говорит, – только вы одна во всем Корнуолле умеете печь пироги». Так и сказал, слово в слово. И даже сам сквайр, – это который сквайр Бассат, из Норт-Хилла, ему принадлежат все земли в округе, – он как-

то на днях встретился мне на дороге, во вторник это было, так он снял шляпу и поклонился мне, сидя на лошади. «Доброе утро, сударыня» – так и сказал. Говорят, он в свое время был ужасный дамский угодник. А тут как раз Джосс вышел из конюшни, он там чинил колесо у двуколки. Спрашивает: «Как жизнь, мистер Бассат?» А сквайр отвечает: «В полной силе, не хуже тебя, Джосс!» Как они смеялись!

Мэри что-то пробормотала в ответ, но ей было больно видеть, как тетя Пейшенс старательно прячет глаза. Да и говорила она что-то уж очень гладко. Она была похожа на умненькую девочку, которая сама себе рассказывает сказку. Мэри страдала, глядя, как ее тетя играет подобную роль. Хоть бы уж она наконец замолчала! Почему-то этот поток слов был еще страшнее слез. За дверью слышались тяжелые шаги, и у Мэри сжалось сердце. Она догадалась, что Джосс Мерлин спустился вниз и, вероятно, подслушал речи своей жены.

Тетя Пейшенс тоже его услышала; она побледнела, ее губы вновь нервически сжимались и разжимались. Хозяин дома вошел в кухню и окинул взглядом обеих женщин:

– Так, значит, куры уже раскудахтались? – Он больше не смеялся, глаза сузились, как щелочки. – Быстро же у тебя слезы просохли. Я слышал, как ты тут трещала. Болты-болты-болты, индюшка несчастная! Думаешь, твоя ненаглядная племянница поверила хоть одному слову? Да ты и младенца не обманешь, не то что нашу кисейную барышню!

Он с треском подвинул стул к столу и тяжело опустился на него, так что стул затрещал. Джосс Мерлин отхватил себе от краюхи толстый ломоть, шмякнул на него масла и набил полный рот. Жир потек по подбородку. Джосс махнул Мэри: – Тебе надо поесть, я же вижу.

Он аккуратно отделил для Мэри тонкий пласт хлеба, нарезал его на кусочки и намазал маслом. Все это было сделано весьма изящно, совсем не похоже на то, как он обслуживал самого себя. Мэри почему-то страшно поразил этот внезапный переход от грубости к изысканности. Словно в его руках таилась какая-то неведомая сила, превращавшая пальцы то в неуклюжие дубины, то в ловких и умных слуг. Если бы он отхватил толстый кусок хлеба и швырнул ей в лицо, Мэри не так испугалась бы, – это вполне соответствовало всему его поведению. Но внезапное изящество, быстрые и умелые движения потрясли ее, потому что оказались неожиданными и не вписывались в сложившееся у нее представление об этом человеке. Мэри тихо поблагодарила и принялась за еду.

Тетя, не проронившая ни слова с тех пор, как ее муж вошел в комнату, поставила жариться бекон. Все молчали. Мэри чувствовала, что Джосс Мерлин наблюдает за ней, и слышала, как тетя у нее за спиной неловко возится со сковородкой. Вот она схватилась голой рукой за раскаленную ручку и, вскрикнув, уронила сковороду. Мэри вскочила помочь ей, но Джосс заорал, чтобы она села.

– Хватит и одной дуры, нечего там вдвоем валандаться! – рывкнул он. – Сиди где сидишь. Тетка твоя насвинячила, пусть сама и прибирает. Ей не впервой!

Джосс откинулся на спинку стула и начал ковырять ногтем в зубах.

– Что будешь пить? – спросил он Мэри. – Бренди, вино, эль? Может, тебе будет у нас голодно, но вот от жажды ты не умрешь. Еще ничья глотка не пересыхала у нас в «Ямайке»! – Он со смехом подмигнул Мэри и показал ей язык.

– Я выпью чаю, если можно, – сказала Мэри. – Я не привыкла к крепким напиткам, и к вину тоже.

– Что ты говоришь, не привыкла? Ну, тем хуже для тебя. Ладно, пей пока свой чай, но, клянусь дьяволом, через месяц-другой ты у нас запросишь бренди.

Он перегнулся через стол и схватил Мэри за руку.

– У тебя хорошенькие лапки для крестьянки, – заметил он. – Я боялся, что они у тебя красные и шершавые. Знаешь, просто с души воротит, когда тебе наливают эль безобразными руками. Правда, наши посетители не то чтобы слишком привередливы, да ведь в трактире «Ямайка» никогда раньше не бывало барменши.

Он насмешливо поклонился Мэри и выпустил ее руку.

– Пейшенс, радость моя, – позвал он. – Вот тебе ключ. Принеси мне бутылку бренди, черт подери! У меня такая жажда, что ее не зальют все воды Дозмари.

Жена бросилась исполнять приказание и мгновенно ис-

чезла в коридоре. Джосс снова стал ковырять в зубах, время от времени принимаясь насвистывать. Мэри ела хлеб с маслом, запивая его чаем, который поставил перед ней Джосс. Голова у нее уже просто раскалывалась, глаза слезились от дыма. Мэри едва не падала от усталости и все-таки неотрывно наблюдала за дядей. Ей передалась тревога тети Пейшенс. Похоже, обе они были здесь как мышки, попавшие в мышеловку, а Джосс развлекался, играя с ними, словно чудовищный кот.

Через несколько минут тетя Пейшенс вернулась и поставила перед мужем бренди. Она закончила готовить, принесла бекон для себя и Мэри, а ее муж тем временем взялся за выпивку, мрачно глядя прямо перед собой и пиная ножку стола. Вдруг он грохнул кулаком по столу так, что чашки и блюда подскочили, а одна тарелка упала на пол и разбилась.

– Слушай, что я тебе скажу, Мэри Йеллан, – заорал Джосс. – Я в этом доме хозяин, усвой-ка это как следует! Будешь делать что велют, помогать по хозяйству, обслуживать посетителей – я тебя и пальцем не трону. Но если, черт подери, ты станешь разевать пасть и вякать, я тебя в бараний рог согну; будешь из рук у меня есть, вот как твоя тетушка.

Мэри посмотрела ему прямо в лицо. Руки она держала под столом, на коленях, чтобы он не видел, как они дрожат.

– Я вас очень хорошо поняла, – сказала Мэри. – Я не любопытна и никогда в жизни не занималась сплетнями. Мне безразлично, чем вы занимаетесь в своем трактире, с кем об-

щаетесь. Я буду работать по дому, и у вас не будет причин для недовольства. Но если вы хоть чем-нибудь обидите тетю Пейшенс, я вам обещаю – я немедленно уйду из трактира «Ямайка», разыщу мирового судью и приведу его сюда, и пусть вами занимается закон. Попробуйте тогда согнуть меня в бараний рог!

Мэри страшно побледнела. Она понимала: если сейчас Джосс снова заорет на нее, она расплчется, и тогда уж он станет хозяином положения. Неосторожные слова вырвались у нее помимо воли, сердце Мэри разрывалось от жалости к бедной, сломленной тетушке, и она не смогла сдержаться. Мэри не предполагала, что этим спасла себя: ее решительность произвела на дядю хорошее впечатление. Он откинулся на спинку стула и заметно расслабился.

– Неплохо, неплохо, – проворчал он. – Очень неплохо сказано! Вот теперь мы знаем, с кем имеем дело. Показываешь коготки? Славно, славно, моя ми лая. Видать, мы с тобой два сапога пара. Если уж мы будем с тобой играть, то в одной команде. Может быть, когда-нибудь у меня найдется для тебя работенка у нас в «Ямайке», какая тебе еще не встречалась. Настоящая мужская работа, Мэри Йеллан, когда приходится играть с жизнью и смертью.

Тетя Пейшенс тихонько ахнула.

– Ах, Джосс, – прошептала она, – пожалуйста, не надо!

В голосе тети Пейшенс прозвучала такая мольба, что Мэри с удивлением посмотрела на нее. Тетушка вся подалась

вперед и делала мужу отчаянные знаки, чтобы он замолчал. Страдальческий взгляд тети напугал Мэри больше, чем все происшедшее этой ночью. Ее вдруг пробрал озноб и даже слегка затошнило. Почему тетя вдруг впала в такую панику? Что собирался сказать Джосс Мерлин? Мэри охватило жгучее любопытство, довольно жуткое, по правде говоря. Дядя нетерпеливо махнул рукой.

– Отправляйся спать, Пейшенс, – приказал он. – Надоело мне видеть за ужином твою мертвую голову. Мы с племянницей понимаем друг друга.

Жена сразу встала и пошла к двери, но по пути еще раз оглянулась с выражением бессильного отчаяния. Было слышно, как она почти бегом поднимается по лестнице. Джосс Мерлин и Мэри остались одни. Он отодвинул от себя пустой стакан из-под бренди и облокотился о стол.

– В моей жизни была всего одна слабость, – сообщил он, – и я тебе скажу какая. Выпивка! Это какое-то проклятие, я и сам понимаю. Никак не могу удержаться! Когда-нибудь выпивка меня погубит, и хорошая работа пропадет зря. Иногда я по многу дней не прикасаюсь к выпивке, разве что капельку, вот как сегодня. А потом вдруг жажда как нападет на меня, и я пью, что твоя губка, часами не отрываюсь от бутылки. Выпивка для меня – все: и сила, и слава, и женщины, и Царство Божие. В это время я – король, Мэри. Как будто весь мир держу в кулаке. И рай, и ад. Тогда я делаюсь очень разговорчивым и выбалтываю все свои дела направо и

налево. Запираюсь в комнате и ору свои секреты в подушку. Тетка твоя запирает меня на ключ, а я, как протрезвею, начинаю барабанить в дверь, чтоб она выпустила меня. Никто об этом не знает, кроме нас с нею, да вот теперь я еще тебе рассказал. Рассказал потому, что я уже немного выпил и не могу держать язык за зубами. Но я не такой пьяный, чтобы совсем уж потерять голову. Не такой еще пьяный, чтобы рассказать тебе, почему я живу в этом богом забытом месте и почему я – хозяин трактира «Ямайка». – Его хриплый голос понизился почти до шепота. Торф едва тлел в очаге, по стене протянулись тени, похожие на длинные пальцы. Свечи тоже догорали, отбрасывая на потолок чудовищно искаженную тень Джосса Мерлина. Он с глупой пьяной улыбкой приставил палец к носу Мэри. – Этого я тебе не сказал, Мэри Йеллан. Нет, у меня еще осталась капля ума... и хитрости. Если хочешь узнать больше, спроси свою тетю. Она тебе расскажет сказочку. Я слышал, как она сегодня плела, будто у нас здесь собирается хорошее общество и сквайр снимает передо мной шляпу. Вранье, все вранье! Одно я тебе скажу, потому что ты это и так узнаешь. У сквайра Бассата не хватит духу даже нос сюда сунуть. Если он встретит меня на дороге, наверное, перекрестится да пришпорит свою лошадь! И все наши драгоценные помещики тоже. Здесь больше не останавливаются ни дилижансы, ни почтовые кареты. А, мне плевать; у меня клиентов хватит. Пускай помещики обходят меня стороной, мне от этого только лучше. Да уж, у нас вы-

пивают, и еще как! Кое-кто приходит в «Ямайку» в субботу вечером, а кое-кто запирается на замок и прячет голову под подушку, заткнув уши! Бывают такие ночи, когда ни одно окошко на пустоши не светится на целые мили вокруг, только в трактире «Ямайка» пылает огонь. Говорят, песни и крики слышно аж на фермах под Раф-Тором. В такую ночь ты можешь и сама заглянуть в бар, если захочешь, вот тогда и увидишь, какое у меня собирается общество!

Мэри сидела очень тихо, вцепившись руками в сиденье стула. Она не смела пошевелиться, боясь, как бы у него снова не переменялось настроение. Она уже поняла, что он может в один миг перейти от откровенности к самой бесцеремонной грубости.

– Все меня боятся, – продолжал Джосс, – вся их поганая свора! Боятся меня, а я никого не боюсь! Я тебе говорю: кабы я был образованный да ученый, я мог бы потягаться хоть с самим королем Георгом! Пьянство вот только меня губит, пьянство и горячая кровь. Это наше родовое проклятие, Мэри. Не было еще такого случая, чтобы кто-нибудь из Мерлинов умер в своей постели. Моего отца повесили в Эксетере. Он поссорился с одним типом и убил его. Моему деду отрезали уши за воровство. Его отправили в ссылку, он умер в тропиках от укуса ядовитой змеи. Я – старший из трех братьев, все мы родились в тени Килмара, что высится над Пустошью Двенадцати, вон в той стороне. Если идти через Восточную пустошь до самого Рашифорда, то увидишь громад-

ную гранитную скалу, которая похожа на руку дьявола, вылезшую из земли. Это и есть Килмар. Кто родился в его тени, обязательно сопьется, вот как я. Мэтью, мой брат, утонул в Тревартском болоте. Мы думали, во флот подался, потому и нет от него вестей, а летом наступила засуха, семь месяцев не было дождя, глядим – Мэтью торчит в болоте, руки поднял над головой, а вокруг летают кроншнепы. А брат Джем, черт бы его побрал, у нас младшенький. Еще цеплялся за юбку матери, когда мы с Мэттом уже были взрослыми мужчинами. Мы с Джемом никогда не ладили. Слишком уж он шустрый и слишком острый на язык. Ну да в свое время его тоже поймают и повесят, как отца.

Джосс замолчал и уставился на свой пустой стакан. Взял его в руку, подержал и снова поставил на стол:

– Нет, хватит. Не буду сегодня больше пить. И так уж наговорил достаточно. Иди спать, Мэри, пока я не свернул тебе шею. Вот, держи свечку. Твоя комната прямо над крыльцом.

Мэри молча взяла подсвечник и хотела пройти мимо дяди Джосса, но он вдруг схватил ее за плечо и развернул лицом к себе.

– Иной раз ночью ты услышишь колеса на дороге, – сказал он, – и эти колеса не проедут мимо, а остановятся у «Ямайки». И еще ты услышишь шаги во дворе и голоса под окном. Когда такое случится, Мэри Йеллан, ты не вылезай из постели и голову спрячь под одеяло. Поняла?

– Да, дядя.

– Очень хорошо. А теперь убирайся, и, если еще хоть раз меня о чем-нибудь спросишь, я тебе все кости переломаю.

Мэри вышла в темный коридор, наткнулась на диванчик, стоявший у стены, и наконец кое-как ошупью нашла лестницу. Поднявшись на второй этаж, Мэри остановилась, повернувшись лицом к лестнице, и попыталась сориентироваться. Дядя сказал – ее комната над крыльцом. Мэри пробралась через неосвещенную площадку, прошла мимо двух дверей по обеим сторонам коридора, – видимо, это были пустующие комнаты для гостей, которые больше не останавливались на ночлег в «Ямайке». Дальше ей попала еще одна дверь. Мэри повернула ручку и в мигающем свете свечи убедилась, что это ее комната, так как на полу стоял ее сундук.

Стены без обоев и голые доски пола. Перевернутый ящик вместо туалетного столика, на ящике – треснутое зеркальце. Ни кувшина, ни умывальника. Видимо, умываться придется в кухне. Кровать жалобно заскрипела, когда Мэри присела на нее, а два тонких одеяла показались ей сырыми. Мэри решила лечь не раздеваясь, прямо в запыленной дорожной одежде, и накрыться плащом. Она подошла к окну и выглянула. Ветер утих, но дождь все еще лил, вернее, уныло накапывал, размазывая грязь на оконных стеклах.

В дальнем конце двора послышался шум: странный стонущий звук, словно его издавало какое-то больное животное. Было слишком темно, чтобы рассмотреть его как следует; Мэри различила только что-то темное, тихонько покачи-

вающееся взад-вперед. От рассказов Джосса Мерлина у нее разыгралось воображение, и на какой-то кошмарный миг ей показалось, будто это виселица, на которой висит удушенник. Но девушка тут же сообразила, что это просто вывеска трактира, которую давно не чинили, и поэтому она раскачивается от малейшего дуновения ветерка. Всего лишь обычная, на заржавевших петлях доска, которая знавала лучшие времена, а ныне белые буквы на ней стерлись и посерели, и вывеска отдана на милость ветров: «Трактир „Ямайка“» – «Трактир „Ямайка“»... Мэри задвинула шторы и забралась в постель. Зубы у нее стучали, руки и ноги онемели от холода. Она долго сидела на кровати, съезжившись в беспросветном отчаянии. Нельзя ли убежать из этого дома и как-нибудь одолеть двенадцать долгих миль до Бодмина?.. Но она так устала, вдруг не дойдет, свалится на полдороге и заснет, где упала, а на рассвете проснется и увидит, что над ней стоит громадный Джосс Мерлин?

Мэри закрыла глаза, и сразу перед ней встало его ухмыляющееся лицо. Потом ухмылка превратилась в сердитую гримасу, он затрясся от злобы. Мэри ясно видела его черные космы, крючковатый нос и длинные сильные пальцы, в которых таилась смертоносная грация.

Мэри чувствовала себя птичкой, попавшей в сеть. Сколько ни трепыхайся, все равно не выбраться. Ес ли она хочет вырваться на свободу, нужно уходить сейчас. Вылезти в окно и бежать сломя голову по белой дороге, которая змеится

по равнине. Завтра будет поздно!

Мэри раздумывала, пока не услышала его шаги на лестнице. Он что-то бормотал себе под нос и, к великой радости Мэри, свернул влево от лестницы, в другой коридор. Она решила не ждать больше. Если остаться под этой крышей хоть на одну ночь, мужество покинет ее, и тогда она пропадет. Сойдет с ума и сломается, как тетя Пейшенс. Мэри открыла дверь и на цыпочках выползла в коридор. У лестницы она остановилась и прислушалась. Ее рука уже лежала на перилах, а нога нашарила верхнюю ступеньку, когда из другого коридора до нее долетел какой-то звук. Кто-то плакал, стараясь заглушить подушкой тихие всхлипывания. Это была тетя Пейшенс. Мэри постояла еще минуту, потом вернулась в свою комнату, бросилась на кровать и закрыла глаза. Что бы ни ждало ее в будущем, как бы ни была она напугана, сейчас она не уйдет из «Ямайки». Она должна остаться с тетей Пейшенс. Она нужна здесь. Может быть, она сможет утешить тетю, они найдут общий язык, и Мэри как-нибудь сумеет, – неизвестно как, сейчас она слишком измучена, чтобы продумать все до конца, – но как-нибудь она сумеет защитить тетю от Джосса Мерлина. Ее мать семнадцать лет жила и работала совсем одна и переносила такие трудности, каких Мэри никогда не узнает. Она бы не струсила, не сбежала от этого полоумного дядьки, не испугалась бы зловещего дома. Пусть он себе стоит в одиночестве на вершине холма, бросая вызов людям и ураганам. Мать Мэри нашла бы в себе муже-

ство бороться. Да, бороться и победить. Она бы не сдалась.

И Мэри вернулась в свою жесткую постель. Она молила о сне, но не могла избавиться от напряжения. Каждый звук бил ей по нервам – от царапанья мыши за стеной до скрипа вывески во дворе. Она считала минуты и часы этой бесконечной ночи, а когда в поле за домом раздался первый крик петуха, Мэри перестала считать, вздохнула и уснула как убитая.

Глава 3

Проснувшись, Мэри услышала свист ветра за окном и увидела бледное, тусклое солнце. Ее разбудило дребезжание оконной рамы. По цвету неба и по высоте солнца она сообразила, что уже должно быть больше восьми часов. Мэри выглянула в окно и увидела во дворе конюшню с распахнутой дверью и свежие следы подков в грязи. С огромным облегчением Мэри поняла, что хозяин дома, видимо, уехал и она хоть ненадолго осталась наедине с тетей Пейшенс.

Мэри торопливо разобрала сундук, вытащила толстую юбку, цветастый фартук и тяжелые башмаки, которые носила на ферме. Через десять минут она уже была внизу и мыла посуду в чуланчике за кухней.

Тетя Пейшенс вернулась из птичника, устроенного за домом. Она несла в переднике несколько свежеснесенных яиц и показала их Мэри с таинственной улыбкой.

– Тебе, наверное, захочется яичко на завтрак, – сказала тетя Пейшенс. – Я вчера видела, ты почти ничего не ела от усталости. Я еще припасла тебе сметанки, намазать на хлеб.

Сегодня она разговаривала вполне нормально. Покрасневшие глаза говорили о том, что она плохо спала этой ночью, но тетя очень старалась казаться веселой. Мэри решила, что тетя лишь в присутствии мужа превращается в запуганного, беспомощного ребенка, а как только он уехал, она, то-

же по-детски, забыла свой страх и готова радоваться маленьким приятным событиям, таким как приготовление яичка на завтрак для Мэри.

Они обе старались не вспоминать вчерашнюю ночь и не называли имени Джосса. Мэри не спрашивала, куда и зачем он поехал, да ей было и все равно: она слишком радовалась тому, что он оставил их в покое.

Мэри видела, что тете не хочется говорить о вещах, связанных с ее теперешней жизнью. Она как будто боялась вопросов. Мэри сжалась над ней и принялась рассказывать об их жизни в Хелфорде, о тяжелых временах, болезни и смерти матери.

Мэри не могла бы сказать, насколько тетя Пейшенс воспринимала ее рассказы. Во всяком случае, она время от времени то кивала, поджимая губы, то качала головой и тихонько ахала, но Мэри показалось, что годы страха и забот лишили ее способности внимательно слушать и она не может сосредоточиться на разговоре, потому что ее мысли постоянно заняты каким-то тайным ужасом.

Утро прошло в работе по дому, и потому Мэри смогла лучше исследовать приютивший ее дом. Он был темный, обширный, с длинными коридорами и неожиданно возникающими комнатами. В бар вел отдельный вход с боковой стороны здания. Сейчас в баре было пусто, но о шумных собраниях напоминала тяжелая атмосфера: затхлый запах старого табака, кислая вонь от спиртных напитков и общее ощущение

ние разгоряченных, немых тел, сбившихся в кучу на грязных скамьях.

Неприглядная картина, и все-таки в этой комнате, единственной здесь, чувствовалась жизнь. Остальные помещения казались заброшенными. Даже в общей гостиной царил нежилой дух; можно подумать, уже много месяцев ни один честный путешественник не переступал ее порога, не грелся у очага. Комнаты для гостей на втором этаже были в еще худшем состоянии. Одна из них использовалась как кладовка, у стены там были свалены какие-то ящики и старые попоны, погрызенные многими поколениями крыс и мышей. В комнате напротив на продавленной кровати хранилась репа, на полу были свалены мешки картошки.

Мэри догадывалась, что и ее комната была примерно в таком же виде, и лишь стараниями тети Пейшенс она теперь хоть как-то обставлена. В комнату тети и дяди в соседнем коридоре Мэри не отважилась заглянуть. Прямо под их спальней, в конце длинного коридора на первом этаже, идущего параллельно верхнему в противоположную от кухни сторону, была еще одна комната. Дверь туда была заперта. Мэри вышла во двор и заглянула в окно, но оно было забито изнутри доской, и Мэри ничего не увидела.

Дом и надворные постройки занимали три стороны квадратного двора, в центре которого имелся небольшой газончик и стояла колода с водой для лошадей. Дальше белая лента дороги тянулась до самого горизонта через бурую степь,

раскисшую от недавних ливней. Мэри вышла на дорогу и огляделась по сторонам. На сколько хватало глаз, вокруг была только вересковая степь и черные холмы. Хотя трактир, крытый серым шифером, со своими высокими трубами казался угрюмым и необитаемым, это было, видимо, единственное жилье в окрестностях. К западу от «Ямайки» поднимались скалистые кручи – торы. У одних на пологих склонах в лучах неяркого зимнего солнца желтела трава, но были и другие – зловещие и безжизненные нагромождения дикого голого гранита. То и дело на солнце находило облако, и тогда по равнине пробегали длинные тени, похожие на хищные пальцы. Пейзаж постоянно менял свой цвет. Холмы казались лиловыми, словно в пятнах чернил, но вдруг сквозь тучу пробивался солнечный луч, и один из холмов вспыхивал золотом, в то время как его соседи оставались темными. Когда на востоке торжествовал день и степь лежала безмятежно, как пески пустыни, холмы на западе окутывала арктическая зима, и лохматые тучи, рваные, словно плащ разбойника с большой дороги, сыпали на гранитные торы снег и град и злобно плевались дождем. Воздух здесь был душистый, пряный, холодный, как в горах, и удивительно чистый. Это поразило Мэри, которая привыкла к теплему климату Хелфорда, защищенного от ветра высокими живыми изгородями и густыми рощами. Даже восточный ветер не долетал туда, его останавливал длинный мыс, и только на реке порой бушевали и метались зеленые волны с белыми бараш-

ками пены на гребнях.

Пусть эта новая земля была мрачной и враждебной, голой и пустынной, с одиноким трактиром «Ямайка», отданным на милость всех стихий; все-таки здешний воздух бодрил Мэри, пробуждая в ней жажду приключений. Щеки у нее разгорелись, глаза заблестели. Ветер растрепал ей волосы, бросил пряди на лицо. Мэри глубоко вдыхала этот опьяняющий воздух, наполняя им легкие большими глотками, и он был слаще, чем глоток хорошего сидра. Она подбежала к поилке для лошадей и подставила руки под струю воды. Вода была чистая, прозрачная и холодная как лед. Мэри отпила немного. Никогда еще она не пила такой необычной воды – горьковатой, с привкусом торфа, будто растворившей дым от кухонного очага.

Эта вода утоляла жажду и успокаивала душу.

Мэри почувствовала себя сильной и храброй. Она вернулась в дом, к тете Пейшенс, надеясь, что ее ожидает обед. Мэри с аппетитом приступила к тушеной баранине с репой, и, когда утолила наконец голод в первый раз за двадцать четыре часа, мужество вернулось к ней. Теперь она была готова расспросить тетюшку, не опасаясь за последствия.

– Тетя Пейшенс, – начала Мэри, – почему дядя стал хозяином трактира «Ямайка»?

Неожиданная атака в лоб застала тетю врасплох. Она молча уставилась на Мэри, потом багрово покраснела, и губы у нее задергались.

– Ну как же, – залепетала она, – здесь... здесь такое бойкое место, у самой дороги. Ты же сама видишь... Тут проходит главная дорога с юга. Два раза в неделю проезжают дилижансы. Они идут из Труро, через Бодмин и дальше, в Лонстон. Ты вчера приехала на таком. На дороге всегда много людей. Путешественники, богатые джентльмены, иногда моряки из Фалмута...

– Да, тетя Пейшенс, но почему они не заглядывают в «Ямайку»?

– Заглядывают! Они часто заходят в бар выпить. У нас здесь хорошая клиентура.

– Зачем ты это говоришь, когда общая гостиная стоит пустая, а в комнатах для гостей хранится какой-то хлам, пригодный только для мышей и крыс? Я сама видела. Я раньше бывала в трактирах, не таких больших, как этот. У нас в деревне был трактир. Его хозяин дружил с нами. Мы с мамой часто пили чай в общей гостиной. Наверху у них было всего две комнаты, но эти комнаты были очень уютные, удобно обставленные для проезжающих.

Тетя несколько минут молчала, дергая ртом и ломая пальцы.

– Дядя Джосс не любит, чтобы у нас оставались на ночь, – сказала она наконец. – Он говорит: мало ли какой человек попадетсЯ. Место здесь пустынное, нас всех могли бы зарезать в собственных постелях. На большой дороге всякое случается.

– Тетя Пейшенс, что за чепуху ты говоришь! За чем держать гостиницу, если не можешь пустить переночевать честного путешественника? Для чего же тогда она здесь стоит? И на что вы живете, если у вас нет клиентов?

– У нас есть клиенты, – упрямо повторила тетя. – Я же тебе говорю. Люди приходят с ферм. Очень много ферм и коттеджей разбросано по степи, люди приезжают за много миль. Иногда по вечерам набирается полный бар.

– Вчера кучер мне сказал, что приличные люди больше не ходят в «Ямайку». Сказал, они боятся.

Тетя Пейшенс изменилась в лице. Она сильно по бледнела, и глаза у нее забегали. Тетя судорожно глотнула, провела языком по губам.

– Твой дядя Джосс – человек резкий, ты сама видела. Его легко рассердить, он не терпит, чтобы ему мешали.

– Тетя Пейшенс, ну кто может помешать человеку, который честно трудится в своем собственном трактире? Даже самый резкий характер не может распугать всех посетителей. Это не причина.

Тетя не ответила. Она исчерпала все свои объяснения и теперь молчала, упрямо, как мул. Мэри поняла, что ее не сдвинешь, и попробовала зайти с другой стороны:

– А как вы вообще сюда попали? Мама и не знала, что вы переехали. Мы думали, что вы живете в Бод мине. Ты ведь оттуда написала нам, когда выходила замуж.

– Я встретила твоего дядю в Бодмине, но мы там не задер-

жались, – медленно проговорила тетя Пейшенс. – Сначала мы жили близ Падстоу, а потом приехали сюда. Твой дядя выкупил трактир у мистера Бассата. Здесь, кажется, несколько лет никто не жил, и дядя решил, что ему это подходит. Он хотел осесть на одном месте. Он ведь много путешествовал в жизни, где только не побывал, я даже названий всех не упомяну. По-моему, он даже в Америке был.

– Странное место он выбрал, чтобы осесть, – заметила Мэри. – Вряд ли можно было найти хуже.

– Зато недалеко от его старого дома, – сказала тетушка. – Твой дядя родился всего в нескольких милях отсюда, на Пустоши Двенадцати. Его брат Джем и сейчас живет там в маленьком домике, когда не разъезжает. Он иногда заходит к нам, только дядя Джосс его недолюбливает.

– А мистер Бассат к вам когда-нибудь заходит?

– Нет.

– Почему? Ведь он сам продал трактир дяде?

Тетя Пейшенс сжала руки, ее рот снова дернулся.

– У них вышло недоразумение, – объяснила она. – Твой дядя купил трактир через посредство одного друга. Мистер Бассат не знал, что покупатель – дядя Джосс, пока мы сюда не въехали, а когда узнал, то был не очень доволен.

– Почему он недоволен?

– Он знал твоего дядю много лет назад, когда тот еще жил в Треварте. Дядя Джосс в молодости имел необузданный характер и прослыл забиякой. Он не виноват, Мэри, это его

беда. Мерлины все вспыльчивые. Его младший брат, Джем, наверняка еще хуже. А мистер Бассат наслушался всякого вранья про дядю Джосса и страшно рассердился, когда выяснилось, что это ему он продал «Ямайку». Вот и все.

Тетя Пейшенс откинулась на спинку стула, измученная этим настойчивым допросом. Ее лицо побледнело и осунулось; взглядом она умоляла не расспрашивать больше. Мэри видела, что она страдает, но с жестоким бесстрашием молодости решилась за дать еще вопрос:

– Тетя Пейшенс, пожалуйста, посмотри на меня и скажи мне только одну вещь, тогда я сразу отстану. Какое отношение имеет запертая комната в конце коридора к тем, кто приезжает по ночам в «Ямайку»?

Не успела Мэри выговорить это, как уже пожалела о своих словах и страстно захотела взять их обратно – это часто случается с теми, кто говорит слишком быстро и необдуманно. Но было поздно.

Лицо ее собеседницы приняло странное выражение, большие запавшие глаза наполнились ужасом. Губы задрожали, рука прижалась к горлу. Женщина выглядела до смерти напуганной.

Мэри оттолкнула стул и бросилась на колени рядом с тетей Пейшенс, обняла ее, крепко прижала к себе, поцеловала в волосы.

– Прости меня! – воскликнула Мэри. – Не сердись, я просто невоспитанная нахалка. Все это меня не касается, я не

имела никакого права выспрашивать, мне очень стыдно. Пожалуйста, пожалуйста, забудь о том, что я сказала!

Тетя Пейшенс закрыла лицо руками. Застыв в неподвижности, она не обращала внимания на племянницу. Несколько минут они так и сидели молча, Мэри гладила тетю по плечу и целовала ей руки.

Потом тетя Пейшенс открыла лицо и посмотрела на племянницу сверху вниз.

Она уже успокоилась, в ее взгляде больше не было страха. Она взяла руки Мэри в свои и заглянула ей в глаза.

– Мэри, – сказала она тихо, почти шепотом. – Мэри, я не могу ответить на твои вопросы; я и сама многого не знаю. Но ты – моя племянница, дочь моей сестры, и потому я должна предостеречь тебя.

Она оглянулась через плечо, словно боялась, что в тени у двери стоит Джосс собственной персоной.

– Здесь, в «Ямайке», случались такие вещи, Мэри, о которых я и словечком не смела никому обмолвиться. Нехорошие вещи. Ужасные. Я не могу тебе об этом рассказывать; я и себе-то не решаюсь признаться. Кое-что ты и сама узнаешь, рано или поздно. Дядя Джосс водится со странными людьми, и они занимаются странными делами. Иногда они приходят ночью. Из своего окошка над крыльцом ты будешь слышать шаги, голоса, стук в дверь. Твой дядя впускает их в дом и проводит в ту комнату с запертой дверью. Они входят туда, и мне в спальне слышно, как они там бормочут что-то всю

долгую ночь. Они уходят до рассвета, будто их и не бывало. Когда они придут, Мэри, не говори ничего ни мне, ни дяде Джоссу. Ты должна лежать в постели, заткнув уши. Никогда не спрашивай о них ни меня, ни его, никого на свете, потому что, если бы ты узнала хоть половину того, что знаю я, твои волосы поседели бы, Мэри, как поседели мои, и ты так же боялась бы говорить и плакала бы по ночам, и твоя чудесная беззаботная молодость умерла бы, Мэри, так же, как умерла моя юность.

Тетя встала из-за стола, и вскоре Мэри услышала, как она поднимается по лестнице медленными, неуверенными шагами и закрывает за собой дверь своей спальни.

Мэри села на пол рядом с пустым стулом и увидела в кухонное окно, что солнце уже скрылось за дальним холмом и хмурые ноябрьские сумерки вот-вот снова опустятся на трактир «Ямайка».

Глава 4

Джосса Мерлина не было дома почти неделю, и за это время Мэри немного лучше познакомилась с местностью.

Ей не приходилось работать в баре, потому что туда никто не приходил в отсутствие хозяина. Утром она помогала тете с домашней работой, а потом могла гулять где ей вздумается. Пейшенс Мерлин не любила далеких прогулок. У нее не было ни малейшего желания выходить за пределы птичьего двора позади трактира, к тому же она очень плохо чувствовала направление. Она знала названия нескольких торов, потому что слышала их от своего мужа, но понятия не имела, где каждый из них находится и как их найти. Поэтому Мэри отправлялась в путь одна, ровно в полдень, ориентируясь по солнцу и по врожденному здравому смыслу деревенской девушки.

Вересковая степь оказалась еще более дикой, чем думала Мэри. Словно необъятная пустыня, тянулась она с востока на запад, и только кое-где ее пересекали тропинки, да на горизонте вздымались высокие холмы.

Мэри не могла бы сказать, где кончается степь. Только один раз, забравшись на самый высокий тор к западу от «Ямайки», она увидела вдали серебристый блеск моря. Местность была тихая и пустынная, не тронутая человеком. На вершинах торов были навалены кучей огромные ка-

менные глыбы странной, причудливой формы – они лежали здесь с тех самых пор, как их сотворил Господь Бог.

Некоторые камни имели форму гигантских стульев и чудовищно искривленных столов; другие камни, чуть поменьше, напоминали упавшего на землю великана, отбрасывая мрачную тень на вереск и кустики жесткой травы. Длинные узкие валуны стояли торчком, чудом удерживая равновесие, как будто ветер подпирал их, а иные были плоскими, словно срезанными, похожими на алтари, дожидавшиеся жертвоприношения. Высоко в скалах водились дикие бараны, черные вороны и сарычи – всевозможные нелюдимые одиночки животного мира.

Внизу, в степи, паслись черные коровы. Они осторожно ступали по твердой земле, инстинктивно обходя заманчивые зеленые лужайки, которые на самом деле были совсем не лужайки, а участки трясины, где булькала и чавкала болотная жижа. Ветер печально завывал в гранитных ущельях, а иногда прерывисто стонал, как человек, страдающий от боли.

Этот странный ветер налетал как будто ниоткуда; он стлался у самой земли, и трава пригибалась на его пути; он дышал на лужицы дождевой воды среди камней, и по воде пробегала рябь. Иногда ветер пронзительно кричал, и его крик эхом отдавался среди скал и уносился вдаль. В скалах царило безмолвие иной, давно прошедшей эры, когда еще не было человека и только языческие божества ступали по горным склонам. неподвижный воздух был полон странно-

го, древнего покоя, – покоя, который не от Бога.

Мэри Йеллан бродила по степи, карабкалась на скалы, отдыхала в низинах у родников и ручьев и все время думала про Джосса Мерлина. Каким могло быть его детство? Почему в какой-то момент его развитие пошло вкось, как у дерева с искривленным стволом, изувеченного северным ветром?

Однажды Мэри пересекла Восточную пустошь в направлении, которое указал ей Джосс в тот первый вечер. Остановившись на обрывистом склоне холма, со всех сторон окруженного вересковыми пустошами, она увидела, что дальше почва понижается, переходя в коварное болото, через которое пробивается ручеек. А по ту сторону болота, прямо посреди равнины, поднимается к небу гигантская каменная рука, словно высеченная из гранита отвратительного тускло-серого цвета.

Так вот он, Килмар-Тор! Где-то там, среди этих каменных глыб, закрывающих солнце, родился Джосс Мерлин, и там сейчас живет его брат. А внизу, в болоте, утонул Мэтью Мерлин. Мэри представила себе, как он шагает по равнине, на свистывая песенку и прислушиваясь к журчанию ручья; ночь застала его врасплох, и он замедлил шаги, а потом повернул к дому. Мэри так и видела, как он остановился на тропе, и задумался на мгновение, и тихо выругался, и как уверенность вернулась к нему, он пожал плечами и смело шагнул в туман. Но не успел сделать и пяти шагов, как земля подалась у него под ногами, он споткнулся и упал и вдруг увяз по колено в

жидкой грязи и иле. Он дотянулся до кочки, но кочка провалилась под его весом. Он стал брыкаться, не чувствуя своих ног. Вот одна нога с хлопанием выдернулась из трясины, но, панически рванувшись вперед, он опять попал на глубокое место и вот уже беспомощно барахтается, хватаясь руками за болотные травы. Мэри слышала, как он кричит от ужаса, так что испуганный кроншнеп взмыл в воздух совсем рядом, хлопая крыльями, с печальным писком. Кроншнеп скрылся за каменной грядой, и на болоте снова стало тихо. Только несколько травинок еще вздрагивают на ветру, а потом наступает полная тишина...

Мэри повернулась спиной к Килмару и бросилась бежать через равнину, спотыкаясь о камни и кус тики вереска. Она не останавливалась, пока холм не загородил от нее зловещую скалу. Мэри не собиралась заходить так далеко. Возвращаться домой пришлось очень долго. Целая вечность прошла, пока Мэри одолела последний холм и впереди показалась дорога, над которой поднимались высокие трубы «Ямайки». Войдя во двор, Мэри с упавшим сердцем заметила, что дверь конюшни открыта, а внутри стоит лошадь. Джосс Мерлин вернулся.

Мэри старалась войти как можно тише, но дверь заскрежетала, задевая каменные плиты пола. Звук эхом отдался в тихом коридоре, и в ту же минуту из кухни показался хозяин, пригибая голову под низкими балками. Рукава у него были закатаны выше локтя, в руках он держал стакан и по-

лотенце. Джосс, по-видимому, был в хорошем настроении. Увидев Мэри, он взмахнул стаканом и радостно заорал:

– С чего это у тебя физия так вытянулась, только меня увидела? Ты что, мне не рада? Соскучилась, небось?

Мэри попыталась улыбнуться и спросила, была ли его поездка приятной.

– Кой черт – приятной? – отозвался тот. – Поездка была денежная, а на остальное плевать. Я ведь не у короля во дворце гостил, ты не думай! – Джосс громко расхохотался собственной шутке.

За спиной у него показалась жена, подобострастно подхихкивая. Как только хохот Джосса затих, улыбка сошла с лица тети Пейшенс и вернулось напряженное, загнанное выражение, тот застывший, почти бессмысленный взгляд, что всегда появлялся у нее в присутствии мужа.

Мэри сразу поняла, что мимолетная беззаботность, которой тетя наслаждалась всю эту неделю, исчезла без следа и бедняжка снова превратилась в нервное, надломленное существо.

Мэри повернулась к лестнице, собираясь уйти наверх, но Джосс окликнул ее:

– Эй, не вздумай забиться к себе. Давай в бар, будешь помогать дядюшке. Ты что, не знаешь, который сегодня день?

Мэри задумалась. Она уже потеряла счет времени. Кажется, она приехала в понедельник? Значит, сегодня суббота. Вечер субботы! Теперь Мэри поняла, на что намекал Джосс

Мерлин. Сегодня в трактире «Ямайка» ожидается много народу...

Они приходили поодиночке, эти жители вересковых пустошей, и быстро прошмыгивали через двор, как будто не хотели, чтобы кто-нибудь их увидел. В мутном свете они казались бесплотными тенями, пробираясь вдоль стены и ныряя под навес крыльца, чтобы постучать в дверь бара. Некоторые шли с фонарем, причем словно сами опасались его неяркого света и прикрывали фонарь полой куртки. Один или два въехали во двор верхом на лошадях, чьи копыта звонко цокали по камням; звон подков странно раздавался в ночной тишине, а вслед за ним слышался скрип двери в конюшню и тихие голоса мужчин, заводивших коней в стойло. Другие, совсем уже осторожные, приходили без света и проскальзывали через двор, низко надвинув шляпу и застегнувшись до самого подбородка. Эта таинственность как раз и выдавала их стремление остаться незамеченными. Было непонятно, почему они так скрытничают, ведь любой путник мог увидеть с дороги, что в «Ямайке» сегодня принимают гостей. Свет лился из окон, в обычное время закрытых ставнями, и чем позже становилось, тем громче звучали голоса в доме. Слышались то песня, то крики и оглушительный смех. Видно, посетители, приходившие так стыдливо и робко, оказавшись в доме, быстро избавлялись от страха и, втиснувшись в толпу, наполняющую бар, раскуривали трубки и наливали ста-

каны, отбросив всякую осторожность.

Странное, разношерстное общество собралось вокруг Джосса Мерлина. Стоя за стойкой бара под прикрытием батареи бутылок и стаканов, Мэри могла разглядывать всю компанию, сама оставаясь незамеченной. Посетители сидели верхом на стульях, или, развалившись на скамьях, подпирали стены, или дремали, повалившись на стол, а один или два, у кого голова или желудок оказались слабее, чем у остальных, уже растянулись во весь рост на полу. По большей части они были грязные, оборванные, обтрепанные, с всклокоченными волосами и обломанными ногтями: бродяги, браконьеры, воры, конокрады и цыгане. Был среди них фермер, который лишился своей фермы, потому что плохо управлял ею и к тому же мошенничал; пастух, который поджег хозяйский овин; лошадиный барышник, которого с позором выгнали из Девона. Еще один тип был башмачником в Лонстоне и под прикрытием своего ремесла помогал сбывать краденое. Человек, лежавший в пьяной отключке на полу, когда-то служил помощником капитана на шхуне из Падстоу, он посадил судно на камни у берега. Маленький человечек, который сидел в углу и грыз ногти, был рыбаком из Порт-Айзака, о нем говорили, будто он прячет в печной трубе полный чулок золотых монет, но откуда это золото, никто не мог сказать. Были там люди, жившие поблизости, в тени торфов, и никогда не знавшие ничего, кроме вересковых пустошей, болот и гранитных скал. Один пришел пешком, без фонаря, от самого

болота Крауди-Марш, что за Раф-Тором, одолев по дороге перевал через Браун-Уилли. Другой явился из Дизеринга и теперь сидел, уткнув нос в кружку, задрав ноги на стол, рядом с несчастным слабоумным дурачком, который приплелся из Дозмари. У этого убогого пол-лица закрывало фиолетовое родимое пятно, и он все время щипал его, оттягивая себе щеку; Мэри, стоявшей прямо напротив него, хоть их и разделяли бутылки, становилось дурно при одном взгляде в ту сторону. Если прибавить сюда застоявшийся запах алкоголя и табачного дыма да еще тяжелый дух множества немых тел, неудивительно, что в ней поднималось физическое чувство омерзения, и Мэри знала, что не сможет долго с ним справляться. К счастью, ее не заставляли подходить к этим людям. Обязанностью Мэри было стоять за стойкой бара, по возможности не попадаясь никому на глаза, при необходимости мыть стаканы и заново наполнять их из бутылки или из крана, а Джосс Мерлин сам передавал стаканы посетителям, а то поднимал крышку стойки и выходил к гостям – посмеется с одним, перекинется грубым словом с другим, кого-то похлопает по плечу, другому кивнет. В первый момент компания в баре встретила Мэри радостным ржанием и с любопытством тарасила на нее глаза, потом кто-то хмыкнул, кто-то пожал плечами, и вскоре на нее уже никто не обращал внимания. Все усвоили, что она – племянница хозяйна, нечто вроде служанки при жене Мерлина, и, хотя кое-кто из молодежи был бы не прочь потрепаться с ней, они опасались

лись рассердить хозяина, думая, что он, возможно, держит ее здесь для собственного пользования. Поэтому Мэри оставили в покое, к ее большой радости, хотя, если бы она знала причину такой сдержанности, в ту же ночь убежала бы из трактира, сгорая от стыда и отвращения.

Тетя не появлялась на людях. Мэри время от времени замечала за дверью ее тень и слышала шаги в коридоре, а один раз увидела, как та испуганно заглядывает в щелку. Вечер тянулся бесконечно, Мэри никак не могла дождаться, когда же ей дадут отдохнуть. Табачный дым и пар от дыхания так густо висели в воздухе, что в комнате почти ничего нельзя было разглядеть, и усталым глазам Мэри лица мужчин представлялись размытыми, бесформенными пятнами, в которых выделялись лишь волосы да зубы в слишком больших ртах. Те, кто уже набрался под завязку и ничего больше не мог в себя влить, валялись трупами на скамейке или на полу, закрыв лицо руками.

Те, кто еще мог стоять, столпились вокруг грязного мелкого жулика из Редрута – он, видимо, считался здесь душой общества. Раньше он работал на шахте, но теперь она была заброшена, и он стал бродячим торговцем и лудильщиком, в связи с чем накопил огромный запас гнусных песенок и этими сокровищами теперь угощал компанию, собравшуюся в «Ямайке».

Его перлы встречали дружным хохотом, от которого дрожала крыша, а громче всех, конечно, смеялся сам хозяин

трактира. Мэри было страшно слышать этот безобразный хохот, переходящий в визг, в котором, как ни странно, не было ни капли веселья; он разносился по темным каменным коридорам и пустым комнатам, как будто вопль страдания. Коробейник принялся измываться над несчастным идиотом из Дозмари. Тот совсем обезумел от вина и, уже не в состоянии подняться на ноги, так и си дел на полу, словно животное. Его посадили на стол, и коробейник заставлял бедного дурачка повторять слова песенок, сопровождая их соответствующими жестами, что вызывало истерический смех у всей толпы. Несчастный недоумок, возбуждвшись от аплодисментов, подпрыгивал на столе, повизгивая от восторга, хватаясь пальцами с обломанными ногтями за фиолетовое пятно на лице. Мэри не мог ла больше терпеть. Она тронула дядю Джосса за плечо. Тот повернул к ней мокрое от пота лицо.

– Я больше не могу, – тихо сказала Мэри. – Прислуживайте сами своим друзьям. Я пойду к себе.

Он вытер пот со лба рукавом рубашки, глядя на девушку сверху вниз, и Мэри с изумлением увидела, что, хотя дядя Джосс непрерывно пил целый вечер, сам он не пьянел. Он был заводилой в этой буйной компании, но при этом прекрасно сознавал, что делает.

– Ага, тебе уже надоело? – спросил он. – Думаешь, ты слишком хороша для таких, как мы? Послушай-ка, Мэри, ты тут, за стойкой, горя не знаешь и должна бы на коленях

благодарить меня за это. Тебя не трогают, потому что ты – моя племянница, а не то, клянусь богом, от тебя бы остались рожки да ножки! – Джосс Мерлин захохотал и больно ущипнул ее за щеку. – Ну, давай выкатывайся, – разрешил он. – Все равно уже скоро полночь, ты мне больше не нужна. Запрись у себя в спальне, Мэри, и закрой как следует занавески. Тетка твоя уже целый час как забилась в постель и спрятала голову под одеяло.

Он понизил голос, наклонившись к уху Мэри, и завернул ей руку за спину так, что девушка вскрикнула от боли.

– Вот так, это чтоб ты представляла себе, какого наказания можешь ждать в случае чего. Держи рот на замке, тогда я с тобой буду смирным, как ягненок. В «Ямайке» любопытничать не разрешается, запомни это хорошенько.

Джосс уже не смеялся. Он смотрел на Мэри нахмурившись, как будто старался прочесть ее мысли.

– Ты не дура, не то что твоя тетка, – протянул он. – В том-то и беда... У тебя мордочка хитрой обезьянки и хитрые обезьяньи мозги. Тебя нелегко напугать. Только я тебе скажу, Мэри Йеллан: я сломаю эти твои умные мозги, если ты будешь давать им волю, и кости тебе перелломаю тоже. А теперь отправляйся спать, и чтобы я тебя сегодня больше не видел.

Джосс отвернулся и, все еще хмурясь, взял со стойки стакан и принялся медленно протирать его полотенцем. Должно быть, презрение в глазах Мэри не давало ему покоя. Его хо-

рошее настроение мгновенно улетучилось. Вдруг он со злобой швырнул на пол стакан. Тот разлетелся вдребезги.

– Разденьте-ка этого чертова идиота, – загремел он, – и отправьте нагишом домой, к мамочке. Может, ноябрьский ветерок поостудит ему лиловую рожу и отучит от собачьих фокусов. Надоел до смерти!

Коробейник и его прихвостни восторженно завопили и, опрокинув злосчастного недоумка на спину, принялись стаскивать с него куртку и штаны, а тот, ничего не понимая, растерянно махал на них руками и блеял как овца.

Мэри выбежала из комнаты, захлопнув за собой дверь. Поднимаясь по шаткой лестнице, она зажимала уши руками и все-таки не могла заглушить пение и дикое ржание, доносившиеся из коридора. Они преследовали ее до самой комнаты, пробиваясь через щели в полу.

Мэри было совсем плохо. Она бросилась на постель, стиснув голову руками. Во дворе раздавались пронзительные голоса и взрывы хохота, в окне мелькал луч света от раскачивающегося ручного фонаря. Мэри вскочила закрыть окно, но, задерживая шторы, невольно успела увидеть трясущуюся обнаженную фигуру, которая скачками неслась через двор, крича жалобно, как заяц, и то, как следом с гоготом и улюлюканьем гнались несколько человек во главе с громадным Джоссом Мерлином, который громко щелкал кнутом над головой своей жертвы.

Теперь наконец Мэри выполнила указание дяди: торопли-

во разделась, забралась в постель, натянула на голову одеяло и заткнула уши пальцами. У нее осталось одно желание – не слышать ужасной забавы; но и с закрытыми глазами, уткнувшись лицом в подушку, она все еще видела лицо с фиолетовым пятном, которое несчастный идиот поворачивал к своим мучителям, и слышала тоненькое эхо его крика, когда он, споткнувшись, свалился в канаву.

Мэри находилась в том полубессознательном состоянии, на грани яви и сна, когда все события прошедшего дня беспорядочно толпятся в голове. Перед ее глазами плясали образы разных незнакомых людей. Иногда ей казалось, что она бредет по равнине к гигантскому Килмару, рядом с которым окружающие холмы выглядят карликами, но при этом она видела светлое пятно от лунного луча на полу своей спальни и слышала монотонное дребезжание оконной рамы. Голоса понемногу затихли. Где-то далеко на большой дороге простучали копыта, загремели колеса, и опять наступила тишина. Мэри уснула. Вдруг окутавшее ее ощущение покоя рассыпалось, Мэри разом проснулась и села на постели, озаренная светом луны.

Прислушавшись, она сначала услышала только стук собственного сердца, но через несколько минут различила еще и другой звук, идущий снизу: какие-то тяжелые предметы тащили волоком по каменному полу нижнего коридора, задевая по дороге стены.

Мэри выбралась из постели, подошла к окну и чуть-чуть

отогнула уголок занавески. Во дворе стояли три крытых фургона, запряженные каждый парой лошадей, и еще две открытые деревенские телеги. Один из крытых фургонов стоял прямо у крыльца, от лошадей валил пар.

У фургонов собрались несколько человек из числа сегодняшних посетителей; под самым окном Мэри башмачник из Лонстона разговаривал с барышником. Очухавшийся моряк из Падстоу поглаживал голову одной из лошадей. Коробейник, который мучил бедного идиота, стоя в телеге, поднимал что-то с ее дна. Были во дворе и незнакомые люди, которых Мэри никогда раньше не видела. Их лица были ясно видны в лунном свете. Кажется, этот яркий свет беспокоил их. Один показал вверх и покачал головой, но его товарищ пожал плечами, а еще один, казавшийся среди них главным, нетерпеливо махнул рукой, как будто приказывал поторопиться. Все трое разом повернулись и, поднявшись на крыльцо, скрылись в доме. Тем временем шум от перемещения груза продолжался. Мэри без труда определила его направление. Что-то перетаскивали в дальний конец коридора, в комнату с заколоченными окнами и запертой дверью.

Мэри начала понимать. Фургоны привозят какой-то груз и выгружают его у трактира «Ямайка». Груз складывают в задней комнате. От лошадей идет пар, значит они пришли издалека, может быть от самого побережья. Как только фургоны разгрузят, они тронутся в обратный путь и исчезнут в ночи так же быстро и тихо, как появились.

Мужчины во дворе работали быстро, они спешили. Из одного фургона содержимое не стали уносить в дом, а переложили в телегу, стоявшую возле колоды с водой на дальнем конце двора. Груз был самый разнообразный: большие мешки, маленькие пакетики и длинные свертки, обмотанные соломой и бумагой. Когда телега наполнилась, незнакомый Мэри возница залез на телегу и уехал прочь.

Оставшиеся фургоны разгрузили один за другим. Часть поклажи вывезли на телегах, часть занесли в дом. Все делалось в полной тишине. Те самые люди, что пели и орали вечером в баре, сейчас были трезвыми и молчаливыми, действуя сосредоточенно и деловито. Даже лошади как будто понимали, что необходима тишина, и стояли совершенно неподвижно.

На крыльцо вышел Джосс Мерлин вместе с коробейником. Несмотря на холод, оба были без курток и без шапок, с закатанными рукавами.

– Всё? – тихо спросил хозяин трактира.

Кучер последнего фургона кивнул и поднял руку. Мужчины начали рассаживаться по телегам. Кое-кто из тех, кто пришел в трактир пешком, уселись с ними, чтобы сэкономить час-другой долгого обратного пути. Они уходили не с пустыми руками. Каждый нес какую-нибудь добычу: кто – короб на ремне через плечо, кто – сверток под мышкой. Башмачник из Лонстона не только нагрузил свою лошадь набитыми до отказа седельными сумками, но и сам заметно по-

толстел.

И вот фургоны и телеги, скрипя, выехали со двора одна за другой, наподобие причудливой похоронной процессии, сворачивая кто на север, кто на юг, и наконец все разъехались. Во дворе остались только какой-то человек, которого Мэри раньше не видела, коробейник и сам хозяин трактира «Ямайка».

Они ушли в дом, и во дворе стало пусто. Мэри слышала, как они прошли по коридору в сторону бара. Потом их шаги затихли и вдали хлопнула дверь.

Теперь слышно было только, как хрипят большие напольные часы в холле, приготавливаясь бить. Часы пробили три и снова стали тикать, сипя и кашляя, точно умирающий, которому не хватает воздуха.

Мэри отошла от окна, села на кровать. Холодный воздух леденил ей плечи, и Мэри, вся дрожа, потянулась за своей шалью.

Уснуть теперь нечего было и думать. Каждый нерв у Мэри был натянут, и, хотя страх перед дядей несколько не ослаб, растущее любопытство все-таки пересилило. Теперь она догадывалась, чем занимается Джосс Мерлин. То, что она видела сегодня, – попросту контрабанда в крупных размерах. Несомненно, «Ямайка» идеально приспособлена для такого дела. Должно быть, поэтому дядя ее и купил. Всякие разговоры о возвращении в родные края – это, конечно, чепуха. Трактир стоит в уединенном месте на большой дороге, идущей

щей с севера на юг. Очевидно, при мало-мальски умелой организации несложно собрать надежных людей – владельцев фургонов, которые будут ходить от побережья к реке Теймар, устроив в трактире перевалочный пункт и склад.

Для успешного ведения подобного дела нужно иметь шпионов в окрестностях. Это моряк из Падстоу, башмачник из Лонстона, цыгане, бродяги и мерзкий коробейник.

И все-таки, несмотря на силу личности Джосса Мерлина, его энергию, тот страх, который его огромная физическая сила, должно быть, вызывает у его сообщников, достаточно ли у него ума, чтобы руководить подобным предприятием? Неужели он способен продумать до тонкости каждый приезд и отъезд рискованной команды? Может быть, во время своей отлучки он как раз и занимался подготовкой сегодняшней операции?

Вероятно, так. Мэри не могла придумать другого объяснения, и, хотя хозяин трактира стал ей еще противнее, она невольно восхищалась его организаторским талантом.

В таком деле необходим строжайший контроль и тщательный отбор исполнителей, при всех их грубых манерах и неотесанной внешности, иначе им ни за что не удалось бы так долго уходить от возмездия закона. Если бы кто-то из городского управления заподозрил контрабанду, то, конечно, заподозрил бы и трактир, если бы только сам не участвовал в деле. Мэри нахмурилась, опершись подбородком на руку. Если бы не тетя Пейшенс, она прямо сейчас ушла бы из трак-

тира, добралась до ближайшего города и сообщила властям о деятельности Джосса Мерлина. Очень скоро он оказался бы в тюрьме, вместе со своими бандитами, а их преступному бизнесу пришел бы конец. Но все осложнялось из-за того, что тетя Пейшенс все еще была по-собачьи предана своему мужу, и это делало решение проблемы на данный момент невозможным.

Мэри думала и думала, и все-таки ей еще не все было ясно. Трактир «Ямайка» – гнездо воров и браконьеров, которые, видимо, с дядей Джоссом во главе ведут выгодную торговлю контрабандным товаром, переправляя его с побережья в Девон. Это понятно. Но она видела пока только часть игры. Что еще ей предстоит узнать? Мэри вспомнила полные ужаса глаза тети Пейшенс, ее слова в тот первый день, когда ранние сумерки подбирались к кухонной двери: «Здесь, в „Ямайке“, случались такие вещи, Мэри, о которых я и словечком не смела никому обмолвиться. Нехорошие вещи. Ужасные... Я себе-то не решаюсь признаться». И тетя, бледная, испуганная, ушла к себе, волоча ноги, словно дряхлая старуха.

Контрабанда – опасное дело, бесчестное, незаконное. Но можно ли назвать его ужасным? Мэри не знала. Ей очень нужен был совет, а спросить было не у кого. Она совсем одна в зловещем, отталкивающем мире, и вряд ли ей удастся переделать этот мир к лучшему. Если бы она была мужчиной, то спустилась бы вниз и бросила вызов Джоссу Мерлину прямо

в лицо. Ему и всем его приятелям. Да, и дралась бы с ними, и убила бы их, если получится. А потом взяла бы в конюшне лошадь, посадила позади себя тетю Пейшенс, и они умчались бы на юг, к милым хелфордским берегам, и завели бы себе маленькую ферму где-нибудь в Могане или Гвике, и сама бы она работала в поле, а тетя вела бы у нее хозяйство...

А, что толку в мечтах! Нужно как-то справляться с реальностью, а для этого требуется мужество, иначе ничего толком не добьешься.

Вот она сидит на кровати, двадцатитрехлетняя девушка в юбке и шали, у нее нет никакого оружия, кроме собственных мозгов, а противник – здоровенный мужик, в два раза старше ее и в восемь раз сильнее. Если бы он знал, что она подсматривала сегодня в окошко, взял бы одной рукой за горло, надавил слегка большим и указательным пальцем, и конец всем ее вопросам.

Мэри выругалась. До сих пор такое случилось только раз, когда за ней погнался бык в Манаккане; и тогда, и теперь она выругалась, чтобы придать себе мужества и отваги.

– Не видеть моего страха Джоссу Мерлину и вообще ни одному мужчине, – воскликнула Мэри, – а в доказательство я сейчас спущусь вниз, в темный коридор, и посмотрю, что они делают в баре, и если он меня убьет, значит так мне и надо.

Мэри наспех оделась, натянула чулки, а башмаки оставила в спальне. Приоткрыв дверь, она постояла, прислушива-

ьясь, но услышала только медленное сиплое тиканье часов в холле.

Она тихо вышла в коридор и прокралась к лестнице. Она уже знала, что третья ступенька сверху скрипит и самая нижняя – тоже. Мэри стала осторожно спускаться, придерживаясь одной рукой за перила, другой – за стену, чтобы уменьшить нагрузку на ступеньки. Таким образом она спустилась в полутемный холл у входной двери. Здесь было пусто, только смутно вырисовывался колченогий стул и старинные напольные часы. Хрип часов громко раздавался в тишине у самого ее уха, словно дыхание живого существа. В холле было черно, как в яме, и, хотя Мэри знала, что, кроме нее, здесь никого нет, сама эта пустота была угрожающей, закрытая дверь в неиспользовавшуюся гостиную наводила на зловещие мысли.

Воздух здесь был спертый, тяжелый, в странном несоответствии с холодными каменными плитами пола, на которых было зябко стоять в одних чулках. Пока Мэри колебалась, собираясь с духом, чтобы идти дальше, в коридоре за холлом вдруг блеснул свет, и девушка услышала голоса. Видимо, открылась дверь бара, и оттуда кто-то вышел, потому что Мэри услышала шаги, которые направились в кухню, а потом обратно, но дверь бара осталась открытой – оттуда по-прежнему доносились голоса и свет падал в коридор. Мэри чувствовала большое желание вернуться к себе в спальню и, уснув, спрятаться от всех опасностей, но в то же время в ней

проснулся бес любопытства, которого уже невозможно было утихомирить; он толкнул ее в коридор, и Мэри прижалась к стене всего в нескольких шагах от двери бара. Лоб и ладони были мокрыми от пота, и сначала она ничего не слышала, кроме глухих ударов своего сердца. В приоткрытую дверь девушка видела стойку бара с батареей бутылок и стаканов и узкую полосу пола перед стойкой. Осколки стакана, который разбил дядя Джосс, все еще лежали на полу, рядом с темной лужицей эля, пролитого чьей-то нетвердой рукой. Мужчины, наверное, сидели на скамьях у дальней стены. Мэри их не было видно. Они молчали, и вдруг прозвучал чей-то незнакомый высокий и дрожащий голос:

– Нет и еще раз нет! Говорю вам в последний раз: я не буду в этом участвовать. Я разрываю наше соглашение, не желаю больше иметь с вами дела. Вы меня толкаете на убийство, мистер Мерлин. По-другому это не назовешь, самое обыкновенное убийство.

Высокий голос зазвенел на последнем слове, как будто говоривший, захваченный силой своих чувств, перестал следить за собой. Кто-то (несомненно, сам хозяин) очень тихо ответил ему, Мэри не смогла разобрать слов, но расслышала хорошо ей знакомый смешок коробейника. Его смех прозвучал достаточно недвусмысленно – грубо и с издевкой.

Должно быть, он бросил какой-то обидный намек, потому что незнакомец начал оправдываться:

– Висеть, говорите? Этим мне случалось рисковать и рань-

ше, я не боюсь за свою шею. Нет, я думаю про свою совесть и про всемогущего Господа. Лицом к лицу я готов схватиться с кем угодно в честной драке и никакого наказания не побоюсь, но чтобы убивать ни в чем не повинных людей, да еще, может быть, детей и женщин, – это ведь прямая дорога в ад, Джосс Мерлин, и ты это знаешь не хуже меня.

Мэри услышала, как отодвинули стул, и тот, кто говорил, поднялся на ноги, но в ту же минуту кто-то с ругательством ударил кулаком по столу, и в первый раз дядя Джосс повысил голос.

– Не так быстро, друг, – проговорил он, – не так быстро! Ты уже увяз в этом деле по уши, а совесть к чертям. Я тебе говорю, обратного пути нет, поздно! И для тебя поздно, и для всех нас. Ты мне сразу не понравился со своими джентльменскими замашками да с чистыми манжетами, и, черт подери, я оказался прав. Гарри, прикрой-ка дверь и заложил засов.

Послышалась возня, вскрик, кто-то упал, и в ту же секунду с грохотом опрокинулся стол и кто-то захлопнул дверь, выходящую во двор. Снова гадко засмеялся коробейник и принялся насвистывать одну из своих песенок.

– Пощекочем его, а? – спросил он, оборвав свист на середине. – Трупик получится не такой уж большой, без этих шикарных шмоток. А часы с цепочкой мне бы пригодились. Бедным людям с большой дороги, вроде меня, не на что покупать себе часики.

– Закрой пасть, Гарри, и делай, что тебе говорят, – отрезал хозяин трактира. – Стой, где стоишь, около двери, а если он полезет мимо тебя, пырни его ножом. А теперь послушайте, мистер клерк, юрист или кто бы вы ни были там, в Труро. Вы нынче сваяли большого дурака, но из меня вам дурака не сделать. Вам, небось, хочется выйти вот в эту дверь, сесть на своего коня и поскакать в Бодмин? Ага, а к девяти утра все начальство графства сбежится к «Ямайке», и еще взвод солдат в придачу. Вот о чем думает ваша джентльменская головушка, так?

Мэри слышала, как тяжело дышит незнакомец. Должно быть, его поранили в драке – он заговорил сдавленным голосом, прерывающимся, словно от боли.

– Делайте свое черное дело, если вы без этого не можете, – пробормотал он. – Я не могу вам помешать и, даю честное слово, не буду на вас доносить. Но я не пойду с вами, это мое последнее слово.

После короткого молчания снова заговорил Джосс Мерлин.

– Берегитесь, – тихо произнес он. – Я слышал, как один человек сказал такие же слова, а через пять минут он научился ходить по воздуху. На конце веревки, друг, и всего на полдюйма не доставал ногами до земли. Я его спросил, как ему нравится быть близко к земле, но он ничего не ответил. Веревка так сдавила его горло, что язык вывалился наружу, и он перекусил его пополам. После мне говорили, ему понадо-

билось семь минут и три четверти, чтобы умереть.

Мэри в коридоре почувствовала, как ее лоб и шея стали влажными от пота, а руки и ноги словно налились свинцом. Черные точки заплясали перед глазами, и она с ужасом поняла, что сейчас упадет в обморок.

В мозгу у нее осталась лишь одна мысль: нащупать дорожку назад, в пустой холл, и спрятаться в тени за часами. Ни в коем случае нельзя упасть здесь, где ее обязательно найдут! Мэри попятилась от полоски света, хватаясь руками за стену. У нее подгибались колени. Девушка понимала, что ноги вот-вот откажутся ей служить. Уже и голова кружилась, и тошнота подступала к горлу...

Голос дяди Джосса доносился откуда-то издали, как будто он говорил, прикрыв рукой рот:

– Оставь меня с ним наедине, Гарри, тебе сегодня больше нечего делать в «Ямайке». Забери его коня и выпусти на том берегу Кэмелфорда. А я тут сам разберусь.

Мэри кое-как добралась до холла, и, плохо понимая, что делает, повернула ручку двери в гостиную, и, спотыкаясь, переступила порог. Потом она рухнула на пол, уронив голову между коленями.

Должно быть, она на минуту или две потеряла сознание. Черные точки перед глазами сгустились, и весь мир охватила чернота. Но благодаря той позе, в которой упала, Мэри очень быстро снова пришла в себя. Через минуту она уже сидела, опираясь на локоть, прислушиваясь к стуку копыт

во дворе. Она услышала, как кто-то ругает коня, приказывая ему стоять смирно, – это был коробейник Гарри. Затем он, видимо, взобрался в седло и ударил пятками в бока своего скакуна. Стук копыт затих вдали. Дядя Джосс остался в баре один со своей жертвой. Мэри попыталась сообразить, удастся ли ей добежать до ближайшего жилья по дороге в Дозмари и позвать на помощь. Придется пройти две или три мили через степь, пока она доберется до первого пастушьего домика. По этой дороге сегодня вечером убежал злополучный идиот. Может быть, он и сейчас еще сидит у канавы, хныча и гримасничая.

Мэри ничего не знала о людях, живущих в домике. Возможно, они тоже из компании ее дяди, тогда Мэри попадет напрямиком в ловушку. Тетя Пейшенс, которая спит сейчас в своей кровати, ей не помощница, скорее, обуза. Положение безнадежное. Незнакомцу не спастись, если только он не сумеет как-нибудь договориться с Джоссом Мерлином. Если у него есть хоть немного хитрости, он мог бы одолеть дядю Джосса. Без коробейника они хотя бы равны числом; правда, на стороне дяди перевес в физической силе. Мэри охватило отчаяние. Если бы только у нее было ружье или нож, она смогла бы ранить дядю Джосса или, по крайней мере, обезоружить его, а несчастный незнакомец тем временем смог бы убежать.

Мэри больше не думала о собственной безопасности. Рано или поздно ее здесь обнаружат, нет смысла сидеть, скор-

чившись, в пустой гостиной. Дурнота уже прошла, и Мэри презирала себя за минутную слабость. Девушка поднялась с пола и, взявшись обеими руками за ручку двери, чтобы было меньше шума, приоткрыла дверь на несколько дюймов. В холле стояла тишина, если не считать тиканья часов, и в коридоре больше не было видно света. Наверное, дверь в бар закрыли. Может быть, в эту самую минуту незнакомец борется за свою жизнь, бьется на каменных плитах пола, задыхаясь в огромных ручищах Джосса Мерлина. Но ничего не было слышно. За закрытой дверью бара все происходило в молчании.

Мэри уже приготовилась снова выйти в холл и по добрататься поближе к тому концу коридора, как вдруг сверху послышался какой-то звук. Мэри застыла на месте и подняла голову, прислушиваясь. Наверху скрипнула половица! С минуту было тихо, и вот опять: тихие шаги над головой. Тетя Пейшенс спит в дальнем коридоре, в другом конце дома, а Гарри-коробейник ускакал уже минут десять назад, Мэри слышала это собственными ушами. Дядя Джосс сейчас в баре с незнакомцем, и никто не поднимался по лестнице после того, как сама Мэри спустилась вниз. Опять скрип и тихие шаги. Наверху, в пустой комнате для гостей, кто-то есть!

Сердце Мэри снова отчаянно забилось, дыхание стало чаще. Тот, кто прячется на втором этаже, должно быть, находится там уже несколько часов. Наверное, он забрался туда в самом начале вечера и стоял за дверью, когда она шла к се-

бе в спальню. Если бы он прошел наверх позднее, она услышала бы, как он поднимается по лестнице. Может быть, он тоже наблюдал из окна за разгрузкой фургонов и видел, как слабоумный парнишка с криками бежал по дороге в Дозмари. Их разделяла только тоненькая перегородка. Он, должно быть, слышал каждое движение Мэри: как она упала на кровать, и как одевалась позднее, и как открыла дверь...

Значит, он не хотел выдавать ее, иначе вышел бы на площадку. Если бы он был из той же компании, наверняка поинтересовался бы, куда она направляется. Кто впустил его в дом? Когда он мог спрятаться в пустой комнате? Вероятно, он скрывался там от контрабандистов. Выходит, он не с ними, он враг дяди Джосса. Шаги стихли, и Мэри, как ни прислушивалась, больше ничего не слышала. Но она была уверена, что ей не померещилось. Кто-то прячется в комнате рядом с ее спальней. Может быть, это ее союзник, он мог бы помочь ей спасти незнакомца из бара! Она уже ступила на первую ступеньку лестницы, как вдруг в коридоре снова блеснул свет и Мэри услышала, как открывается дверь бара. Дядя Джосс собирался выйти в коридор. Мэри уже не успевала взбежать по лестнице. Она быстро отступила в гостиную и замерла, придерживая дверь рукой. В холле непроглядная тьма, он ни за что не заметит, что дверь не заперта.

Дрожа от страха и возбуждения, Мэри ждала, при таившись у двери, и наконец услышала, как хозяин пересек холл и стал подниматься по лестнице. Шаги остановились прямо

у нее над головой, возле комнаты для гостей. Секунду или две он стоял неподвижно, как будто прислушивался, потом дважды тихо постучал в дверь.

Опять скрипнула половица, дверь комнаты для гостей отворилась. У Мэри упало сердце: отчаяние вновь овладело ею. Все-таки этот человек – не враг Джосса Мерлина. Вероятно, сам Мерлин и впустил его в начале вечера, пока Мэри с тетей Пейшенс прибирали в баре, готовясь к приему посетителей. Тот человек просто переждал, пока все разойдутся. Это какой-нибудь личный друг хозяина, который не хотел мешаться в его ночные дела и не собирался показываться даже жене трактирщика.

Дядя все время знал, что он здесь, потому и отослал коробейника. Джосс Мерлин не хотел, чтобы коробейник увидел его друга. Слава богу, она не успела подняться наверх и постучать в дверь!

А вдруг они заглянут к ней в комнату, проверить, спит ли она? Тогда ей не на что надеяться. Мэри оглянулась на окно. Окно было забрано решеткой. Бежать некуда! Вот они спускаются по лестнице. Остановились у двери в гостиную. На какое-то мгновение Мэри показалось, что они собираются войти. Они стояли так близко, что Мэри могла бы дотронуться до плеча дяди Джосса через приоткрытую дверь. Его шепот прозвучал около самого ее уха.

– Как скажете, – выдохнул он, – вам решать, не мне. Я это сделаю, или сделаем вместе. Только скажите.

Стоя за дверью, девушка не могла ни видеть, ни слышать дядиного собеседника. Возможно, он ответил жестом или подал какой-то знак. Они свернули в дальний коридор и прошли к бару.

Дверь за ними закрылась, и больше ничего не было слышно.

Первое, инстинктивное желание Мэри было отпереть входную дверь, выскочить на дорогу и бежать от них как можно дальше, но, подумав, она поняла, что это ей не поможет. Кто знает, возможно, коробейник и другие соучастники дежурят у дороги на случай каких-либо осложнений.

Похоже, этот новый незнакомец, который весь вечер прятался наверху, все же ее не услышал, иначе сразу рассказал бы об этом дяде Джоссу и они стали бы искать Мэри. Разве что отложили это на потом, занявшись сперва более важным делом в баре.

Мэри стояла минут десять, выжидая, но все было тихо. Только часы в холле продолжали неторопливо и хрипло тикать, ни на что не обращая внимания, как воплощение дряхлости и безразличия. Один раз Мэри показалось, будто она слышит крик, но этот звук мгновенно заглох, да и был он такой слабый, что Мэри решила: ее обманывает воображение, растревоженное всеми сегодняшними событиями.

Девушка снова вышла в холл и заглянула в темный коридор. Свет больше не пробивался в щель у двери бара. Наверное, там погасили свечи. Неужели они сидят там в темноте,

все трое? Перед Мэри возникла жутковатая картинка: безмолвная группа, застывшая на месте по какой-то необъяснимой причине. При погашенном свете тишина казалась еще более зловещей.

Мэри рискнула подойти к двери и прижалась ухом к щелке. Не было слышно ни голосов, ни даже дыхания. Запах застарелого алкоголя, висевший в коридоре весь вечер, рассеялся, в замочную скважину тянуло прохладным сквознячком. Поддавшись внезапному порыву, Мэри подняла щеколду, распахнула дверь и шагнула в комнату.

В баре никого не было. Дверь, ведущая во двор, открыта настежь, комнату наполнял свежий ноябрьский воздух. Это и была причина сквозняка в коридоре. Стол, опрокинутый во время драки, все еще лежал на полу, задрав ножки к потолку.

Все ушли. Должно быть, они свернули у кухни налево, прямо в степь; Мэри услышала бы, если бы они прошли к дороге. Воздух приятно охлаждал лицо. Теперь, когда дядя Джосс и чужаки ушли, комната снова казалась совершенно безобидной. Ужас закончился.

Последний лучик лунного света нарисовал на полу маленький белый кружок. В этот кружок вдвинулось темное пятно, напоминающее вытянутый палец. Это была тень какого-то предмета. Мэри подняла глаза к потолку и увидела, что на крюке, вделанном в балку, болтается веревка. Конец этой веревки и отбрасывал тень в круге света; он все пока-

чивался взад-вперед под дуновением сквозняка из открытой двери.

Глава 5

Шли дни. Мэри Йеллан с угрюмой решимостью подчинилась распорядку жизни в трактире «Ямайка». Было ясно, что она не может бросить тетю одну перед лицом наступающей зимы. Может быть, когда придет весна, удастся уговорить Пейшенс Мерлин, и они вдвоем уедут из здешних мест в тихую и мирную долину Хелфорда.

Во всяком случае, Мэри на это надеялась. А пока нужно постараться по мере сил одолеть безрадостные полгода, которые ей предстоят. Если получится, Мэри в конце концов разоблачит своего дядю и отдаст его и его дружков в руки правосудия. На контрабанду еще можно было посмотреть сквозь пальцы, хотя Мэри было довольно противно столь бесчестное занятие, но сейчас она убедилась – Джосс Мерлин и его шайка этим не ограничиваются. Настоящие головорезы, они никого и ничего не боятся, не останавливаются даже перед убийством. Мэри ни на минуту не забывала ту первую субботу. Болтающаяся на крюке веревка говорила сама за себя. Мэри не сомневалась, что дядя Джосс вместе со своим приятелем убили незнакомца и закопали его труп где-то в степи.

Но доказать это было невозможно, и при свете дня вся история казалась совершенно фантастической. В ту ночь Мэри снова поднялась в свою комнату, потому что, судя по откры-

той двери бара, дядя Джосс мог вернуться в любую минуту. Должно быть, она заснула, измученная всем увиденным. Когда она проснулась, солнце стояло уже высоко и внизу в холле слышались суетливые шаги тети Пейшенс.

От ночных дел не осталось и следа. В баре подмели и прибрали, мебель расставили по местам, осколки стекла вынесли, и с балки не свисала веревка. Сам хозяин провел все утро в конюшне и в коровнике. Он выгребал вилами навоз и занимался всяческой работой, какую полагается выполнять человеку, имеющему скот. В полдень он явился на кухню, жадно набросился на еду и стал расспрашивать Мэри о том, какую живность они держали в Хелфорде, советовался с ней по поводу заболевшего тельенка и ни слова не проронил о том, что происходило ночью. Он как будто был в хорошем настроении, даже позабыл ругать жену, которая, как обычно, не отходила от него, заглядывая ему в глаза, как собака, которая старается угодить своему хозяину. Джосс Мерлин вел себя как трезвый, абсолютно нормальный сельский житель. Невозможно было поверить, что всего несколько часов назад он убил человека.

Правда, может быть, в этом виноват не он, а его загадочный приятель. Но во всяком случае, Мэри своими глазами видела, как он гонял по двору несчастного голого идиота, слышала, как тот визжал под ударами хозяйского кнута. Мэри видела, как дядя Джосс верховодил в гнусной пьяной компании в баре, и слышала, как он угрожал незнакомцу, кото-

рый осмелился пойти против него. А теперь вот сидит перед ней, уминает тушеное мясо и, качая головой, сокрушается о заболевшем теленке...

Мэри отвечала «да» или «нет» на вопросы дяди Джосса, пила свой чай, исподтишка наблюдая за ним, переводя взгляд со стоявшей перед ним полной тарелки на его длинные крепкие пальцы, пугающие своей силой и ловкостью.

Прошло две недели. Субботние разгулы не повторялись. Может быть, хозяин и его соучастники, довольные своей последней добычей, решили немного передохнуть. Мэри больше не слышала фургонов. Несмотря на то что она теперь спала крепко, стук колес наверняка разбудил бы ее. Дядя Джосс, судя по всему, не возражал против ее прогулок по степи. Мэри с каждым днем лучше узнавала окружающую местность. Ей то и дело попадались новые, не замеченные раньше тропинки, которые вели на взгорье и в конечном итоге приводили к торам. Мэри научилась обходить сочную травку с пушистыми метелками, которая как будто манила подойти поближе, а на самом деле прикрывала коварную трясиину.

Несмотря на одиночество, Мэри не чувствовала себя особенно несчастной. Прогулки по степи в сгущающихся сумерках, по крайней мере, укрепляли ее здоровье и помогали немного развеять уныние долгих темных вечеров в «Ямайке», когда тетя Пейшенс сидела, сложив руки на коленях и уставившись на огонь в очаге, а Джосс Мерлин закрывался в баре или уезжал верхом в неизвестном направлении.

Общаться здесь было не с кем. Никто не приходил в трактир поесть или отдохнуть. Кучер дилижанса сказал правду: дилижансы и почтовые кареты больше не останавливались у трактира. Дважды в неделю, стоя во дворе, Мэри видела, как они проезжают мимо, грохоча вниз по склону, и поднимаются на следующий холм, к Пяти дорогам, ни на минуту не замедляя хода и не останавливаясь перевести дух. Один раз Мэри узнала «своего» кучера и замахала ему рукой, но он не обратил на нее внимания и только сильнее хлестнул лошадей. Мэри с каким-то безнадежным чувством вдруг поняла, что люди, должно быть, равняют ее с дядей Джоссом. Даже если бы она добралась до Бодмина или Лонстона, с ней никто не захочет разговаривать, все двери будут для нее закрыты.

Временами будущее представлялось девушке очень мрачным, тем более что тетя Пейшенс с ней практически не разговаривала. Правда, иногда она брала Мэри за руку и говорила, как рада, что та поселилась у них, но по большей части бедная женщина жила словно во сне, машинально возилась по хозяйству и почти все время молчала. А когда заговаривала, то в основном это были бессмысленные излияния на тему, каким большим человеком мог бы стать ее муж, если бы его не преследовали ужасные неудачи. Нормально общаться с нею было просто невозможно. Мэри старалась не огорчать тетю, разговаривала с ней как с ребенком. Все это действовало на нервы и требовало огромного терпения.

Поэтому Мэри пребывала в самом раздраженном состо-

янии в один дождливый и ветреный день, когда нельзя было идти гулять, и она решила вымыть длинный каменный коридор, идущий в задней части дома по всей его ширине. Возможно, тяжелая работа полезна для укрепления мускулатуры, но она отнюдь не улучшила настроения девушки. Дойдя до конца коридора, Мэри уже всей душой ненавидела «Ямайку» и ее обитателей. Еще чуть-чуть – и она выбежала бы в огород за кухней, где трудился, не обращая внимания на дождь, ее дядя, и выплеснула бы ведро с грязной мыльной водой прямо ему в лицо. Но когда Мэри взглянула на тетю Пейшенс, которая, согнувшись над очагом, ворошила палкой тлеющий торф, у девушки опустились руки. Она уже собралась приняться за каменный пол в прихожей, как вдруг со двора донесся стук копыт, и в следующую минуту кто-то громко постучал в закрытую дверь бара.

Это было целое событие, ведь до сих пор никто из проезжих даже близко не подходил к «Ямайке». Мэри побежала за тетей, но в кухне никого не было. Выглянув в окно, Мэри увидела, что тетя семенит по огороду к мужу, который нагружал торфом тачку. Они были далеко и не могли услышать, что кто-то подъехал. Мэри вытерла руки фартуком и вошла в бар. Видимо, дверь в бар не была заперта. К своему удивлению, Мэри увидела, что какой-то человек сидит верхом на стуле, держа в руке полный до краев стакан эля, который он преспокойно нацедил себе из бочки. Несколько минут Мэри и новоявленный посетитель молча смотрели друг на друга.

В нем было что-то очень знакомое, но Мэри не представляла, где могла встретить его раньше. Тяжелые, полуопущенные веки, изгиб рта, линия подбородка, дерзкий, прямо-таки нахальный взгляд, которым он одарил Мэри, – все это казалось ей уже виденным однажды и чрезвычайно несимпатичным.

Как он смеет разглядывать ее с ног до головы, неторопливо отхлебывая свой эль? Мэри вышла из себя.

– Что это вы вытворяете? – резко спросила она. – Вы не имеете никакого права заходить в бар и брать напитки без спроса. И вообще, хозяин не любит, чтобы сюда являлись посторонние.

В другую минуту ей самой было бы смешно слышать, как она бросается в бой за дядюшку Джосса, но тяжелая и грязная работа временно отшибла у Мэри чувство юмора, и она невольно сорвала раздражение на том, кто подвернулся под руку.

Мужчина допил эль и протянул стакан за новой порцией.

– С каких это пор в «Ямайке» водятся барменши? – поинтересовался он. Пошарил в кармане, вытащил трубку, раскурил и выпустил дым прямо в лицо девушке.

Совершенно разъярившись, Мэри вырвала трубку из его руки и не глядя швырнула на пол. Трубка разлетелась на куски. Посетитель пожал плечами и принялся насвистывать, причем безбожно фальшивил, отчего Мэри еще больше рассвирепела.

– Разве так обслуживают посетителей? – спросил он, внезапно перестав свистеть. – Не очень-то удачно здесь выбирают прислугу. Вчера я был в Лондоне, там девушки куда воспитаннее... и к тому же хорошенькие, как картинка. Ты посмотри на себя: прическа вся развалилась, мордашка чумазая...

Мэри повернулась к нему спиной и двинулась к двери, но он окликнул ее:

– Налей мне эля! Тебя ведь для этого здесь держат, нет? Я проскакал двенадцать миль после завтрака, до смерти пить хочется.

– Да хоть бы пятьдесят миль, мне-то что? – огрызнулась Мэри. – Вы вроде неплохо здесь ориентируетесь, вот и наливайте себе сами. Я скажу мистеру Мерлину, что вы в баре, пусть он вас обслуживает, если захочет.

– Да ну, лучше не беспокоить Джосса, он с утра злой, как медведь, у которого болит голова, – отозвался посетитель. – Да и вряд ли он мне обрадуется. А что случилось с его женой? Он что, выгнал ее из дому, чтобы освободить местечко для тебя? Не слишком ли круто? Ты-то не станешь его терпеть целых десять лет.

– Если вы хотите видеть миссис Мерлин, то она на огороде, – отрезала Мэри. – Выйдите вон в ту дверь и поверните налево, увидите грядки и курятник. Пять минут назад они оба были там. Через этот коридор вам идти нельзя, я там только что вымыла и не собираюсь надрываться еще раз.

– Не волнуйся так, я никуда не спешу, – проговорил неизвестный. Он все еще рассматривал Мэри, явно не зная, что о ней подумать. Его наглый, с ленцой взгляд, такой неуловимо знакомый, приводил Мэри в бешенство.

– Хотите вы видеть хозяина или нет? – выпалила она наконец. – Я не могу здесь весь день стоять и ждать, пока вы надумаете. Если он вам не нужен и если вы уже напились, положите деньги на стойку и – до свидания.

Посетитель рассмеялся, блеснув зубами в улыбке. И снова что-то отозвалось в ее памяти, но девушка по-прежнему никак не могла сообразить, кого он ей напоминает.

– Ты и Джоссом так командуешь? – спросил неизвестный. – Ну, значит, он здорово переменялся. Надо же, какая у него, оказывается, многогранная натура! Никогда бы не подумал, что он, вдобавок ко всем остальным своим забавам, еще заведет себе девку. А куда вы деваете на ночь бедняжку Пейшенс? Кладете ее спать на полу или устраиваетесь в постели втроем?

Мэри густо покраснела.

– Джосс Мерлин – мой дядя, – сказала она. – Тетя Пейшенс – единственная сестра моей покойной матери. Меня зовут Мэри Йеллан, если это вам о чем-нибудь говорит. Всего хорошего. Выход у вас за спиной.

Она выскочила из бара и влетела на кухню, прямо в объятия хозяина дома.

– Черт тебя побери, с кем это ты сейчас разговаривала в

баре? – рявкнул он. – Я, кажется, предупреждал, чтобы ты держала рот на замке?

Его оглушительный голос разносился по всему коридору.

– Ладно тебе! – крикнул человек, сидевший в баре. – Не бей ее. Она разбила мою трубку и отказалась меня обслуживать. Сразу видно твое воспитание! Иди сюда, дай на тебя посмотреть. Надеюсь, эта девчонка тебе маленько вправила мозги.

Нахмурившись, Джосс Мерлин оттолкнул Мэри и вышел в бар.

– А, это ты, Джем, вот оно что, – протянул Джосс. – Что тебе понадобилось в «Ямайке»? Лошадь купить я не могу, если ты за этим. Времена нынче тяжелые, я беден, как полевая мышь после больших дождей.

Он закрыл за собой дверь, и Мэри осталась в коридоре.

Она вернулась к ведру с водой, вытирая фартуком грязь с лица. Так это Джем Мерлин, дядин младший брат! Ну конечно, она же сразу увидела сходство, только, как дурочка, не поняла, на кого именно он похож. У него те же глаза, только без кровавых прожилок и без набрякших мешков под ними, и тот же рот, только твердый, а не слабый, как у Джосса, и нижняя губа не отвисшая. Таким, наверное, был Джосс Мерлин лет восемнадцать-двадцать назад, да этот чуть стройнее и пониже ростом.

Мэри плеснула воды на пол и принялась яростно скрести каменные плиты, крепко сжав губы.

Что за мерзкая порода эти Мерлины с их наглостью, и грубостью, и бесцеремонностью! Этот Джем по характеру такой же жестокий, как его брат, – это видно по форме губ. Тетя Пейшенс говорила – он из них самый худший. Хотя он на целую голову ниже Джосса и вдвое уже в плечах, в нем чувствуется скрытая сила, которой нет у старшего брата. Он весь какой-то хищный и в то же время легкий, поджарый. А у хозяина трактира подбородок обвис и плечи сгорблены, словно под непосильным грузом. Как будто вся его мощь, растроченная без толку, мало-помалу сошла на нет. Мэри знала, что так бывает с пьющими людьми, и в первый раз начала догадываться, что нынешний Джосс Мерлин – лишь жалкий обломок того человека, каким он был когда-то. Она поняла это, сравнив его с младшим братом. Трактирщик сам погубил себя. Если у младшего голова хоть немного работает, он должен крепко держать себя в руках, чтобы не отправиться по той же дорожке. Но может быть, ему на это наплевать. Похоже, какой-то злой рок мешает Мерлинам продвинуться в жизни. Слишком страшная история у их семьи. Мать Мэри, бывало, говорила: «Дурная кровь всегда скажется, тут уж ничего не поделаешь. Сколько с ней ни борись, она в конце концов одолеет. Иногда, может, два поколения проживут достойно, а в третьем, глядишь, все начинается сначала». Как грустно! Сколько сил, способностей растрчено зря! К тому же еще бедная тетя Пейшенс увязла в этом мерлинском болоте, потеряла раньше времени свою молодость и красо-

ту, и, если уж смотреть правде в лицо, сейчас она почти ничем не лучше того слабоумного парня из Дозмари. А ведь тетя Пейшенс могла бы теперь быть женой благопристойного фермера где-нибудь в Гвике, у нее были бы сыновья, дом, земля и все маленькие радости нормальной счастливой жизни: сплетни с соседками, походы в церковь по воскресеньям, поездки в город в базарные дни, сбор урожая... Что-то прочное, что она могла бы полюбить. Она прожила бы долгую, спокойную жизнь, пока ее волосы наконец не поседели бы, жизнь, полную нормальной работы и безмятежного довольства. А вместо всего этого она живет, как последняя замарашка, с этим пьяным скотом! «Ну почему женщины так глупы, так близоруки?» – недоумевала Мэри и с такой злостью терла последние плиты пола, как будто этим могла сделать мир чище и уничтожить все следы женского безрассудства.

Она так разошлась, что после холла взялась подметать унылую, полутемную гостиную, уже много лет не ведавшую метлы. Взметая тучи пыли, Мэри яростно выбивала убогий, протертый до дыр коврик. Она так погрузилась в это малоприятное занятие, что даже не услышала, как кто-то кинул в окно камешек. Мэри опомнилась только тогда, когда оконное стекло треснуло под градом мелких камней. Выглянув в окно, Мэри увидела Джема Мерлина. Он стоял рядом со своей лошадью.

Мэри нахмурилась и отвернулась от окна, но в ответ снова посыпались камешки. На этот раз стекло треснуло осно-

вательно, маленький осколочек выпал совсем и вместе с камешком полетел на пол.

Мэри отодвинула засов на тяжелой входной двери и вышла на крыльцо.

– Что еще? – спросила она, вдруг мучительно осознав свои растрепанные волосы и грязный мятый фартук.

Джем по-прежнему с любопытством рассматривал Мэри, но нахальства у него заметно поубавилось и даже хватило совести выглядеть чуть пристыженным.

– Прости, если я был с тобой груб, – сказал он. – Я как-то не ожидал увидеть в «Ямайке» женщину, да еще такую молоденькую. Подумал, Джосс привез себе красотку из города.

Мэри снова покраснела и с досадой закусил губу.

– Какая уж из меня красотка, – презрительно бросила она. – Хороша бы я была в городе в этом старом фартуке и тяжелых башмаках! По-моему, всякий, у кого во лбу глаза торчат, мог бы увидеть, что я – деревенская.

– Не знаю, не знаю, – рассеянно отозвался он. – Если на тебя надеть нарядное платье, туфельки на каблучке и воткнуть в волосы гребень, ты, пожалуй, сошла бы за леди, даже в большом городе вроде Эксетера.

– Видимо, я должна считать это комплиментом, – сказала Мэри, – большое спасибо, конечно, только я лучше буду носить свое старое платье и выглядеть такой, какая я есть.

– Это еще не худший вариант, – одобрил Джем.

Мэри подняла глаза и увидела, что он смеется над нею.

Она повернулась к нему спиной и хотела уйти в дом.

– Ладно тебе, не уходи, – позвал он. – Я, конечно, заслужил эти сердитые взгляды, но, если бы ты знала моего брата так же хорошо, как я, ты бы поняла, почему я ошибся. Странно видеть девушку в трактире «Ямайка». Зачем ты вообще сюда приехала?

Мэри настороженно смотрела на него с крыльца. Сейчас он казался серьезным и на минутку перестал быть похожим на Джосса. Если бы он был не из Мерлинов!

– Я приехала к тете Пейшенс, – сказала Мэри. – Моя мать умерла несколько недель назад, а больше у меня нет родных. Одно я могу вам сказать, мистер Мерлин: я благодарю Бога за то, что моя мать не видит сейчас, во что превратилась ее сестра.

– Надо думать, брак с Джоссом – не ложе из роз, – хмыкнул брат хозяина. – По характеру он всегда был чистый дьявол и пьет как губка. Зачем она вышла за него? Он всегда был такой, сколько я его помню. В детстве он меня часто колотил и сейчас был бы не прочь, если бы только посмел.

– Наверное, ее очаровали его красивые глаза, – сказала Мэри с презрением. – Мама говорила, тетя Пейшенс вечно порхала, как бабочка, еще в Хелфорде. Она отказала фермеру, который просил ее руки, и уехала вглубь страны, там и познакомилась с вашим братом. Во всяком случае, на мой взгляд, это был худший день в ее жизни.

– Стало быть, ты не шибко обожаешь нашего трактирщи-

ка, – насмешливо бросил Джем Мерлин.

– Ни капельки, – ответила Мэри. – Он грубиян, и еще того хуже. По его вине тетя Пейшенс превратилась из счастливой хохотушки в несчастную, забитую рабыню. Этого я ему не прощу никогда в жизни!

Джем засвистал, перевирая мотив, и потрепал лошадь по шее.

– Мы, Мерлины, всегда плохо обращались со своими женщинами, – сказал он. – Помню, отец так избивал маму, что она встать не могла. Но она от него не уходила, всегда была на его стороне. Когда его повесили в Эксетере, она три месяца ни с кем слова не сказала. Поседела от горя. Бабушку я не помню, но говорят, она сражалась рядом с дедом близ Коллингтона; когда солдаты хотели забрать его, одному из них прокусила палец до кости. За что она его так любила, трудно сказать. После того как деда арестовали, он о ней ни разу даже не спросил и все свои сбережения завещал другой женщине, которая жила на том берегу Теймара.

Мэри молчала. Ее ужаснуло безразличие, с которым он все это рассказывал, – ни стыда, ни осуждения. Должно быть, он, как все в их семье, от рождения не способен к нежным чувствам.

– Долго ты собираешься оставаться в «Ямайке»? – вдруг спросил он. – Ты же здесь просто пропадаешь. Общаться-то не с кем.

– Ничего не могу поделать, – ответила Мэри. – Я не уеду,

если тетя не поедет со мной. Я не могу оставить ее здесь после того, что я видела.

Джем нагнулся стряхнуть комок грязи, приставший к подкове.

– Да что ты могла увидеть за такое короткое время? – спросил он. – По-моему, здесь довольно тихо.

Мэри не поддавалась на подначку. Кто знает, вдруг дядя Джосс подговорил брата вызнать у нее, что ей известно. Нет, все-таки она не совсем дуручка. Мэри небрежно пожалала плечами:

– Однажды в субботу я помогала дяде в баре. Не могу сказать, чтобы мне понравилась та компания, которая там собирается.

– Да уж, представляю, – сказал Джем. – Посетители «Ямайки» не обучены хорошим манерам. Им некогда, они все больше сидят в окружной тюрьме. Интересно, что они о тебе подумали? Небось ошиблись так же, как я, и теперь сплетничают о тебе по всей округе. Джосс еще, пожалуй, начнет играть на тебя в кости. Оглянуться не успеешь, какой-нибудь грязный браконьер взвалит тебя к себе на лошадь и увезет в свои края, по ту сторону Раф-Тора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.